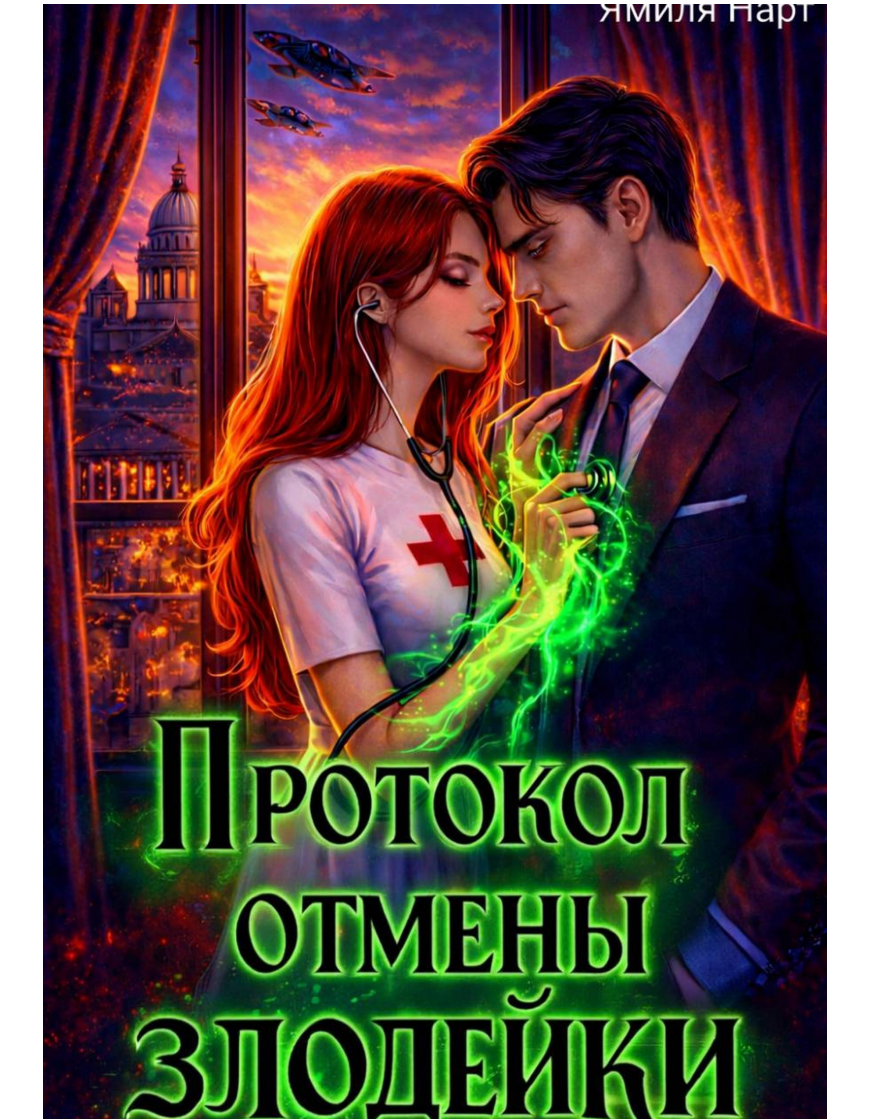

ПРОТОКОЛ ОТМЕМЫ ЗЛОДЕЙКИ

Ямиля Нарт

Протокол отмены злодейки

<https://litres.ru/74632834>

SelfPub; 2026

Аннотация

После ругани на форуме, посвященном глупому романтическому роману, я умерла и попала напрямую в будущую бывшую жену главного героя этого романа.

Если быть точнее — в тело Виктории Вороновой, избалованной светской львицы с дипломом лекаря, купленным за пару родительских миллионов, и должностью заведующей клиникой, которая её совсем не интересовала. Её судьба в книге прописана жирным шрифтом: истерики, козни «скромной» стажёрке Кристине, позорный развод, крах семьи и одинокая смерть где-то на окраине магического мегаполиса. И всё это — лишь фон для великой любви холодного магната Александра и той самой «особенной» девушки.

Но у меня, Лики, как бывшего врача, есть иные диагнозы на этот счёт.

И всё было хорошо, пока вдруг сюжет романа не начал меняться без моего участия....

В этой книге:

- Умная, иногда жёсткая главная героиня
- Современный мир с магией

- Попадание в книгу
- Сильная женская героиня
- Медицина: магическая и не совсем
- Детективная линия
- Некоторая игра с магией времени

Содержание

Глава 1. Диагноз: картонная злодейка	5
Глава 2. Готовим плацдарм	17
Глава 3. Форс-мажор	27
Глава 4. Приготовления	39
Глава 5. Рефлексия	47
Глава 6. Встреча с «отцом»	56
Глава 7. Изменения	64
Глава 8. Гиппократ	73
Глава 9. Знакомство	81
Глава 10. Тестирование	88
Глава 11. Немного о фетишах	98
Глава 12. Подозрения	106
Глава 13. Откровения	112
Глава 14. Первая часть Марлезонского балета	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Протокол отмены злодейки

Глава 1. Диагноз: картонная злодейка

Последнюю страницу романа я закрыла глубокой ночью. Я зажмурилась, пытаясь прогнать навязчивое ощущение, что мои извилины только что подверглись варварской лоботомии.

«Сердце, закованное в лёд». Лёд, судя по всему, покрыл не только сердце главного героя, но и здравый смысл автора, редактора и всех, кто позволил этому творению увидеть свет.

Итак, роман «Сердце, закованное в лёд» повествует следующую историю. Могущественный магнат и наследник медицинского холдинга Александр Воронов, травмированный предательством предыдущей возлюбленной, вступает в брак по расчёту с красавицей Викторией Захаровой, дочерью влиятельных фармацевтов. Виктория, избалованная светская львица с купленным дипломом лекаря, безумно влюблена в мужа, но он холоден, циничен и открыто презирует её за пустоту и истеричность.

В жизнь Александра входит скромная, добрая стажёрка-диагност Кристина Соколова, обладающая редким даром «чистого видения».

На деловом ужине конкуренты подмешивают ей в напиток мощное любовное зелье; в беспомощном состоянии она по ошибке заходит не в тот номер отеля, где её и принимает за другую женщину сам Александр, также находящийся под воздействием стороннего вещества.

Чувствуя ответственность, а затем и искреннее влечение к её чистоте и трудолюбию, Александр начинает сближаться с Кристиной.

Узнав об измене, Виктория превращается в классическую злодейку: устраивает скандалы, травит Кристину на работе и, в конце концов, нанимает бандитов, чтобы похитить и изуродовать соперницу, наложив на неё проклятие.

Взбешённый Александр обрушивает всю свою мощь на Викторию и её семью: даёт мгновенный развод, разоряет фармацевтическую компанию «Захаро-Медикал».

Родители Виктории терпят позор, а сама она, лишённая всего, сходит с ума и погибает от передозировки дешёвым магическим наркотиком.

Преодолев все препятствия, Александр и Кристина признаются друг другу в любви, играют пышную свадьбу, и книга заканчивается намёком на скорое рождение наследника, окончательно растопившего лёд в сердце магната.

Я схватила ноутбук, уже открытый на злосчастном форуме «Магодрамынет», куда меня занесло полгода назад в поисках легкого чтения после тяжелых суток.

Пальцы застучали по клавишам с силой, достаточной для

того, чтобы выбить из клавиатуры душу.

«Дорогие ценители токсичного гламура!, — начала я, — только что завершила ознакомление с творением под названием «Сердце, закованное в лёд». Клиническая картина ужасает. Диагноз: острая литературная недостаточность мозговой деятельности».

И пошла-поехала. Я разобрала по косточкам Александра Воронова, магната-наследника.

«Синдром вселенской крутости с осложнением на мозг, — писала я. — Единственная черта характера — «травма» от прошлой любви, которая служит оправданием для поведения примата с кошельком. Ни мыслей, ни рефлексии, только холодная похоть к скромным стажеркам и садистское унижение законной жены. Его «ледяное сердце» — не трагедия, а лень автора дать персонажу хоть каплю развития».

Перешла к Кристине Соколовой, «скромной стажёрке-диагносту с редким даром».

«Острый дефицит личности, осложненный синдромом святой простоты, — диагностировала я. — «Редкий дар чистого видения» — это, видимо, способность видеть в миллиардере за угрюмой маской несчастного мальчика. Скромность, граничащая с отсутствием инстинкта самосохранения, доброта как единственная форма существования. Ее «чистая любовь» — награда за полное отсутствие амбиций и внутреннего стержня. Единственный самостоятельный поступок — зайти не в ту дверь»

Но особый мой гнев, странным образом, вызвала не она, а Виктория Захарова-Воронова. Так называемая «злодейка».

«Вот кого мне искренне жаль, — выстукивала я, и буквы на экране, казалось, дымились. — Автор взял живую, пусть и несимпатичную женщину — избалованную, необразованную, влюбленную не в того человека — и провел над ней варварскую операцию по удалению мотивации, человечности и здравого смысла. Ее превратили в исчадь ада для удобства сюжета. Несчастливая, которую выдали замуж по расчету и которую муж открыто презирает, по логике вещей должна была бы либо смириться, либо искать выход. Но нет. Ее сделали картонной злодейкой, чья истеричность — единственная движущая сила конфликта, пока не появляются бандиты и магическое проклятие. А финал... Крах семьи, смерть от наркотиков. Это не расплата за злодеяния, это убийство персонажа ради хэппи-энда «хороший» героев.

Весь этот мир жесток, абсурден и плоско написан. Здесь нет причинно-следственных связей, только клише. Нет людей, только функции».

Я отправила этот крик души в цифровую пустоту и залипла, смотря на экран с мрачным удовлетворением. Удовлетворение длилось ровно три минуты.

Анонимка_Магнолия: Ой, смотрите, пришла умная! Книга для отдыха, а не для ваших заморочек. Если не нравится — не читай, иди свои научные статьи изучай.

Воронова_навсегда: Какая агрессия к Александру! Он про-

сто раненый и сложный! И Кристина не «пустышка», она чистая и светлая, не то что эта истеричка Виктория, которая только и умеет, что деньги тратить и скандалить! Автор все правильно сделал, что ее наказала!

Сокол_любовь: А мне понравилось. Героиня настоящая, не то что нынешние стервы. А вам, автор отзыва, просто жалко мерзкую злодейку, потому что у самой характер не сахар, да?

Фея_розового_тумана: Как можно так оскорблять чужой труд? Писательница вложила душу! Это история о настоящей любви, побеждающей всё! А вы всё критикуете, вам бы только портить настроение нормальным людям!

Мои пальцы рефлекторно потянулись к клавиатуре. Желание метко и язвительно ответить каждой из них, разобрать их аргументы на атомы, было почти физическим. Я уже представила, как мой ответ станет финальным, сокрушительным аккордом в этом абсурдном споре.

Но затем я замерла. Перед глазами встала картина: я, тридцатипятилетняя женщина, врач, прошедший огонь и воду, ночью в пижаме с единорогами веду виртуальную войну с анонимными пользователями из-за вымышленного миллиардера с ледяным сердцем. Это было не смешно. Это было грустно и глупо до зубной боли.

Я медленно выдохнула. Какая разница, что они думают? Они видят в этой истории романтику и катарсис. Я вижу клинический случай плохой литературы и жестокого сюже-

та. Мы говорим на разных языках, живем в разных реальностях. Тратить силы и нервы на эту дискуссию — все равно что пытаться прооперировать аппендицит уговорами.

С мрачной усмешкой я просто закрыла вкладку браузера. Пусть кипятятся в своем розовом сиропе. У меня и своих проблем, как выяснилось, хватает.

Квартира, обычно уютная, давила стенами. Воздуха не хватало, нужно было проветриться. Я накинула на плечи кожаную куртку поверх пижамы и вышла на пустынный ночной переулок. Воздух был холодным и влажным, пахло весенней грязью и бензином.

Я шла, глядя под ноги, и не заметила резкого порыва ветра. Он вырвался из-за угла с воем и грохотом. Я подняла голову ровно на мгновение, чтобы увидеть, как огромный рекламный щит, кричащий яркой обложкой «Сердце, закованное в лёд», отрывается от старых креплений и несется на меня, заполняя все поле зрения безвкусным изображением целующейся пары.

Я открыла глаза. Передо мной был не рай, не ад и даже не тоннель со светом. Передо мной был убогий, казенный кабинет, напоминающий худший образец районного ЖЭКа.

Серые стены, линолеум цвета запекшейся крови, стол из ДСП, заваленный кипами бумаг. И за этим столом сидел молодой человек в помятом, дешевом костюмчике с кривым галстуком. На бейдже, болтавшемся у него на груди, было криво написано: «Стажер. ОКРД»

Он смотрел на меня растерянными, виноватыми глазами, перебирая папку с грифом : «НЕПЛАНОВЫЕ».

— Ой! — вырвалось у него. — Вы... вы уже пришли в себя? Отлично! Э-э-э, позвольте выразить наши глубочайшие сожаления по поводу инцидента с внешней рекламой...

— Позвольте уточнить, — медленно проговорила я, садясь на единственный стул перед его столом. — Инцидент, в ходе которого на меня упал щит с рекламой любовной чепухи — это...

— Форс-мажор! — поддакнул он. — Полнейший!

— Что такое «ОКРД»? — спросила я, пытаюсь подавить панику.

— От-отдел Компенсаторной Реинтеграции Душ, — испуганно выпалил стажер. — Я — ваш курирующий стажер. Имел место быть, э-э-э, форс-мажор. Системный сбой на уровне... ну, это сложно... Скажем так, падение рекламного щита не было запланировано в вашем личном деле. Совершенно! — он замотал головой, и его вихры затрепетали. — Пылесос-уборщик духовного плана засорился, произошел случайный выброс негативной энергии с фанфикшн-серверов, и... короче, вы попали под раздачу. Мы приносим глубочайшие извинения и обещаем компенсацию!

Я уставилась на него, пытаюсь понять, не является ли это галлюцинацией на фоне черепно-мозговой травмы.

— Пылесос... засорился, — без эмоций повторила я.

— Именно! — он радостно закивал.

Под влиянием всей этой абсурдности я протянула руку и ущипнула себя. Ничего не поменялось — напротив сидел всё тот же стажер, который только что меня уверял, что из-за фанфикш-сервера на меня упал рекламный щит. И теперь я могла получить за это компенсацию.

— Компенсацию? — переспросила я.

— Да! — он оживился, схватился за мои слова, как за соломинку. — Именно! В качестве компенсации за причиненные неудобства мы предлагаем вам реинтеграцию. Реинкарнацию в последнюю узnanную вашим сознанием вселенную. Быстро, без очереди!

Я подошла к его столу, уперлась руками в столешницу и наклонилась. Стажер отпрянул.

— Давайте уточним детали, — сказала я ледяным, ровным тоном, не оставляющим места для возражений. — «Узнанная вселенная» — это мир книги, которую я только что прочитала. Так?

Он закивал.

— А «реинтеграция» — это попадание внутрь сюжета. В одно из... тел?

— В-в-в общем, да, — пробормотал он, листая какую-то инструкцию. — Обычно происходит автоматическое замещение той души, чей жизненный цикл близок к завершению... Но в вашем случае, как пострадавшей стороны, мы можем предложить...

— Полное сохранение моей памяти, личности и профес-

сиональных навыков, — отрезала я. — Все, что я знаю и умею, остается при мне. А также я получу всю память «тела», в которое я попаду. Или я останусь здесь и потребую встречи с вашим непосредственным руководителем. Чтобы подробно объяснить, как халатность его сотрудника привела к тому, что на врача, спасающего жизни, свалилась реклама любовной чепухи. Думаю, у вас тут и без того бумаг хватает.

Лицо стажера выразило такую панику, будто я пригрозила не жалобой, а уничтожением всей их конторы. Он задержался, схватил с полки толстенный фолиант под названием «Регламент. Ч. 47. Несчастные случаи с привлечением рекламных конструкций». В его глазах читалась мечта поскорее закрыть этот инцидент и избежать выговора.

— Да, конечно! Абсолютно! Полное сохранение! — залепетал он, стараясь избежать моего взгляда. — Это в рамках компенсационного пакета! Мы только активируем процесс!

Он схватил со стола пульт, похожий на старый советский телевизионный, и, не глядя, нажал на большую красную кнопку. В воздухе передо мной завихрилась странная дымка, начало формироваться нечто вроде воронки.

— А временная точка какая? — успеть спросила я, чувствуя, как пространство вокруг начинает терять устойчивость.

— О! Небольшой нюанс! — крикнул он. — За пару дней до начала основного сюжета! Для мягкой адаптации!

Я не успела выругаться. Меня закрутило, затянуло в сви-

стящую, разноцветную воронку, и последнее, что я успела подумать, было о том, что «ОКРД» больше подойдет расшифровка «Отдел Колоссальных Реальных Долбо...»...

Сознание вернулось вместе с похмельем. Я открыла глаза. Голова раскалывалась, сухость во рту была такая, будто я жевала вату.

Я лежала на огромной кровати с шелковым балдахином, в комнате, которая больше походила на будуар какой-нибудь куртизанки позапрошлого века: бархат, хрусталь, зеркала в позолоченных рамах.

В висках стучало, пробивались обрывки чужих воспоминаний. Тщательно подготовленный ужин при свечах на День Святого Валентина. Ее платье от кутюр, его холодные глаза через стол. Ее слезливые упреки. Его ледяное: «Хватит этого цирка. Ты меня бесишь». Хлопнувшая дверь. Ее истерика, разбитая хрустальная ваза, бутылка шампанского, выпитая в одиночку, слезы на шелковых подушках.

Я села на кровати. Я, Лика, врач тридцати пяти лет от роду, находилась в теле Виктории Вороновой двадцати шести лет, героини, вернее, злодейки идиотского романа.

Я встала и подошла к огромному трюмо. В зеркале на меня смотрела ослепительная, но заплаканная красавица. Яркие, чуть распухшие от слез глаза, идеальные черты лица, губы бантиком, роскошные русые волосы, спадающие волнами на плечи. Тело в шелковом костюме, которое стоило, вероятно, как моя старая квартира. Я прикоснулась к щеке.

Кожа была мягкой, ухоженной. Реальность ощущений была пугающей.

И тут волна осознания накрыла с леденящей силой.

Меня больше не существует. Мое тело раздавлено под тоннами железа и пластика где-то в грязном переулке. Моя жизнь, карьера, планы, маленькие радости — все оборвалось в одну секунду из-за халтурного крепления и какого-то космического «засорившегося пылесоса».

В груди вспыхнула дикая, животная ярость. Беспомощная и всесокрушающая. Несправедливость происшедшего была чудовищной, абсурдной. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, оставив на нежной коже Виктории красные полумесяцы. Мне хотелось кричать, бить зеркало, крушить эту пошлую, розовую комнату. Как они посмели? Как эта жалкая контора со своим «ОКРД» могла так халатно оборвать чью-то жизнь? А потом «компенсировать» это, запихнув меня в этот кривой, жестокий мир, как в тюрьму?

Я глубоко, судорожно вдохнула, задержала воздух и медленно выдохнула.

Профессиональный холод, похожий на тот, что опускался на меня в реанимации перед сложнейшей операцией, начал гасить пожар эмоций. Да, это была ужасная сделка. Меня ограбили, лишили всего, что было дорого. Но мне дали шанс. Пусть и в таком нелепом сюжете.

Я закрыла глаза на секунду, отсекая последние остатки эмоционального фона своего и Виктории — эту клубящуюся

обиду, боль и ярость. Они были не нужны.

«До рокового ужина с „ошибкой“ Кристины и Александра — совсем ничего», — пронеслось в голове. Александр еще не встретил свою «чистую любовь». Виктория еще не превернулась в исчадие ада в его глазах. Сюжет еще не запущен.

Я повернулась от зеркала и обвела взглядом эту душераздирающую розовую клетку. Нет. Так не пойдет. Я не буду играть по этим дурацким, жестоким правилам. Не буду бороться за внимание мужа-придурка. Не буду травить ни в чем не повинную стажерку. Не буду устраивать истерики.

Я подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы. Внизу расстился огромный, ухоженный парк, принадлежащий усадьбе Вороновых. Мир был огромен, а сюжет книги — лишь его крошечный, криво сколоченный кусочек.

У меня есть знания. Знание всей книги, как сценария. Знание медицины, психологии.

Я медленно выдохнула, глядя на замерзшие в предрасветном свете ветви деревьев. Миссия была сформулирована с клинической четкостью.

Начинаю операцию по полной резекции картонного сюжета.

Глава 2. Готовим плацдарм

Ощущение чужого тела было странным. Еще и похмелье ужасно мешало мысли. В моем прежнем мире выход был определенный: аспирин, регидрон, сон и время. Здесь же, согласно бардаку в голове, который теперь назывался «память Виктории Захаровой-Вороновой», были другие варианты. В этом мире магия пронизывала даже быт: от самонагревающихся чайников до целебных артефактов, создавая чудовищный разрыв между теми, кто мог себе это позволить, и остальными.

Я медленно села, стиснув зубы от приступа тошноты. Вспоминала. Виктория, конечно, не утруждала себя глубокими познаниями в медицине, даже магической. Но живя в мире, где любая блажь богатой женщины моментально удовлетворялась, она обладала набором поверхностных, практических знаний.

Я вспомнила про домашнюю аптечку. Вернее, про шкафчик в ванной, где хранились косметические и бытовые магические зелья. Вставая с кровати и держась за стены, чтобы не пошатнуться, я направилась туда.

Я направилась в ванную комнату, и мое новое, обостренное восприятие отметило каждую деталь. Дверь была не простой — массивное полотно темного дерева с впаиванной в него серебристой руной. При моем приближении она беззвучно

отъехала в сторону, обнаружив помещение, по размеру сопоставимое с моей прежней гостиной.

Ванная походила на термы римского императора: черный мрамор с прожилками золота, колонны, поддерживающие сводчатый потолок, и в центре — круглая купель размером с небольшой бассейн.

В умывальной зоне, рядом с раковиной из черного оникса, был встроенный шкаф из темного дерева. Внутри, на полках, выложенных бархатом, стояли флаконы и склянки. Я пробежала глазами по этикеткам: «Эликсир сияния кожи», «Лосьон для упругости», «Ароматический концентрат для релаксации»... Нашла. Небольшой синий флакон с серебряной пипеткой и надписью: «Абсорбент». Этикетка гласила: «Нейтрализует последствия пищевых и алкогольных интоксикаций. 5 капель на стакан воды».

Зелье имело мятно-травяной привкус с легким металлическим послевкусием. Через пару минут тошнота и головная боль отступили.

Я скинула шелковый халат и с профессиональным, отстраненным интересом изучила свое новое тело в огромном зеркале. Виктория была безупречна. Ровный загар, тонкая талия, длинные ноги, высокая грудь. Воспоминания всплыли: диеты, фитнес-артефакты, ежегодные поездки на курорты с целебными источниками.

Мое внимание привлекла идеально гладкая кожа на ногах, в зоне бикини, под мышками. Ни единой волосинки, ни на-

мека на щетину. И тут же, будто в ответ на мой вопрос, из глубин памяти всплыл четкий образ: строгий кабинет в одной из самых дорогих клиник Невограда — «Эйдос». Белые стены, лекарь в белоснежной мантии с золотой окантовкой — Магистр-Хилург. Он объяснял что-то молоденькой, восторженной Виктории: «Курс магической эпиляции. Дорого, зато навсегда. Фолликулы будут запечатаны на энергетическом уровне». Виктория, конечно, не задумываясь, выложила за эту процедуру целое состояние.

Я медленно погрузилась в воду. Температура была идеальной — и оставалась такой без моего участия. По краям ванны были встроены кнопки из полированного черного обсидиана. Я нажала одну наугад. Из стены с мягким гулом поднялась платформа с рядами флаконов из матового стекла и хрусталя. Шампуни, кондиционеры, масла для тела, скрабы.

Я взяла ближайший. Тяжелый хрусталь, серебряная помпа. Шампунь «Объем и сияние с наночастицами лунного жемчуга и закрепляющим заклятьем». Я выдавила немного на ладонь. Запах стоил этих несомненно баснословных денег. Пока я мыла волосы, я копалась в чужой памяти, как в архиве, выуживая факты.

Картина вырисовывалась безрадостная. Брак с Александром с самого начала был сделкой, скрепленной подписями под магически заверенным брачным контрактом. Но Виктория, глупышка, искренне надеялась, что сможет растопить

его лед. Александр же вел себя с ней с первого дня как с неизбежной, раздражающей обузой. Он не просто был холоден. Он был мерзок.

Пренебрежительные взгляды, колкие замечания при посторонних, отказы сопровождать ее на мероприятиях, ночные «совещания», о которых она узнавала от службы безопасности. В его поведении было презрение и нескрываемое отвращение.

Секс, бывший редким, сухим и унижительным актом одолжения с его стороны. Он вел себя так, будто его насильно втащили под венец, и теперь он мстил ей за это ежедневно, ежечасно, каждым жестом. А она, воспитанная как украшение и будущая мать наследников, не знала, что с этим делать, кроме как закатывать истерики и тратить его деньги в попытке заполнить пустоту.

Я перебрала годы их совместной жизни. Бесполезные сцены ревности со стороны Виктории, его ледяные отповеди, ее попытки купить его внимание дорогими подарками, его равнодушное принятие этих даров. Ни одного теплого воспоминания. Ни одной совместной поездки, куда он поехал бы добровольно. Ни одной душевной беседы.

Но для меня, для моего плана, эти воспоминания были бесценны. Я знала его привычки, его расписание, круг его деловых контактов, его слабые места — гордыню, уверенность в своей безнаказанности, болезненную щепетильность в вопросах репутации холдинга. Детские и юношеские воспоминания.

нения Виктории — бессмысленная вереница курортов, покупок и ссор с гувернантками — я отсеяла как информационный шум. Мне не нужно было знать, какую куклу она хотела в семь лет. Мне нужна была оперативная информация: как устроен этот мир, как в нем выживать, и как из него выбраться

И мир, собранный из обрывков знаний Виктории и моих собственных наблюдений при чтении романа, был чертовски интересен. Альтернативная Земля, начало XXI века. Демократия, биржи, корпоративные войны, желтая пресса. И вся эта конструкция пронизана магией. Магия здесь была наукой, товаром, ресурсом, инструментом социального лифта и барьером одновременно. Ее изучали в университетах, на нее выдавали лицензии, ею лечили, с ее помощью двигали поезда и общались на расстоянии

Её даром обладали не все, и это создавало новую, маги-ко-капиталистическую иерархию. Лекарь-манипулятор высшего уровня, способный срastить нервные окончания, был не просто богом, он был частью профессионального класса с доходом от 200 тысяч в год и вожденной целью для корпоративных хедхантеров. «Бездарный» санитар, представитель прекариата, мог только подавать инструменты, его годовой доход редко превышал 20 тысяч.

Артефакты — от самонагревающихся чайников до усилителей голоса — были везде. Но самые сложные, лечебные, были доступны лишь элите. Все упиралось в деньги и статус.

Или в талант, пробивающий себе дорогу сквозь корпоративные барьеры, как это, видимо, предстояло сделать скромной Кристине Соколовой с ее «чистым видением».

Я вышла из ванны, и тело обдул теплый, ароматный ветерок из скрытых в стене вентиляционных решеток. Надевая просторный белый халат из невероятно мягкой ткани, я начала изучение обстановки.

Особняк Вороновых был не домом, а демонстрацией могущества капиталистической элиты. Бесконечные анфилады комнат, обставленных антикварной мебелью вперемешку с магическими артефактами. В гостиной камин был не настоящим — это был сложный световой проектор, создававший иллюзию пламени и дававший идеальное тепло.

Картины на стенах иногда шевелились, и это не было галлюцинацией — это были живописные кристаллы, записывающие короткий момент жизни. Я нашла библиотеку. Фолианты в кожаных переплетах соседствовали со стеллажами, уставленными сигарообразными кристаллами памяти.

Но компьютера, ноутбука, привычного мне интернета — не было. Связь осуществлялась через стационарные аппараты с трубками и кристаллическими передатчиками.

Никаких соцсетей. Никаких внезапных звонков от старых друзей. Никаких напоминаний в календаре о встрече выпускников. Меня там уже ищут? Уже нашли? Опознали? Прошли похороны? Мысль была настолько чудовищной и отстраненной, что не вызвала слез, только ледяное оцепене-

ние где-то глубоко внутри. Я больше не могла даже оплакивать себя. Я была слишком занята, чтобы не умереть во второй раз.

Я прошлась по будуару, спальне, гардеробной — все это были апартаменты Виктории, ее личная территория в огромном особняке. Стил — вычурный неорококо, слишком много позолоты, шелка и хрусталя. Безвкусица, продиктованная модой и желанием кричать о богатстве.

Кабинет Александра, куда я заглянула, был другим: строгий модерн, темное дерево, стальные вставки, функциональные артефакты на столе — вероятно, коммуникатор или что-то вроде того.

Дом был набит гибридными технологиями: саморегулирующийся климат-контроль, светильники, реагирующие на движение, магический лифт. Все работало бесшумно, обслуживая обитателей, как добрые джинны.

Мне нужен был план, ресурсы и выход. Сперва ресурсы.

Я вернулась в гардеробную. Помимо рядов одежды, здесь был сейф, встроенный в стену. Виктория редко его открывала, предпочитая кредитные кристаллы. Я сосредоточилась, выживая из памяти комбинацию. Пальцы сами легли на магический замок — пластину с руническими символами. Я провела их в определенной последовательности, чувствуя слабый, едва уловимый толчок энергии в кончиках пальцев. Сейф открылся.

Внутри лежало то, что я искала. Паспорт на имя Викто-

рии Захаровой-Вороновой, диплом об окончании престижного медфакультета, медицинская карта, полис. Банковские кристаллы — маленькие, мерцающие внутренним светом камни, привязанные к счетам. Пачка наличных в местной валюте — купюры с портретами каких-то ученых-магов. И несколько небольших артефактов в бархатных футлярах. Один выглядел как изящный браслет — «личный экран», создающий магический барьер от несанкционированного сканирования или слабых атак. Другой — серьга-коммуникатор. Третий — что-то вроде элегантного портсигара, но внутри лежали не сигареты, а набор тонких игл с рунической насечкой: медицинский аварийный набор, подаренный родителями на окончание университета.

Я нашла и шкатулку с украшениями. Одежду собирать пока не стала — это привлекло бы внимание прислуги.

Теперь нужен был адвокат. Я пыталась выудить из памяти Виктории хоть что-то полезное о семейном праве. Пусто. Она никогда не интересовалась этим.

Я взяла свой — вернее, ее — телефон. Устройство напоминало изящную трубку из черного эбонита и серебра, с небольшим кристаллическим экраном. Контакты. Я покрутила колесико вызова, пролистывая сохраненные номера.

«Мама», «Папа», «Сашенька» (у меня даже лицо скривилось), «стилист», «Массажист»... И тут — «Катя Л.» Катя Лебедева. Подруга детства. Вышла замуж за такого же богатого наследника три года назад. Год назад громко развелась,

забрав, по слухам, изрядную часть состояния. Идеально.

Я набрала номер, придала голосу легкую, томную нотку, сымитировав манеру Виктории.

Трубку взяли почти сразу.

— Виктория? — голос в трубке звучал удивленно и чуть натянуто — мы давно не общались.

— Катя, привет. Извини, что беспокою, — сказала я. — Мне нужен совет. Не для себя, — добавила я чуть быстрее, — Одна наша общая знакомая... Ты ее знаешь, но я не могу назвать имени, она умоляла о конфиденциальности. Планирует развод, но ничего не смыслит в юридических тонкостях. Я сразу вспомнила про твоего блестящего адвоката. Не могла бы ты скинуть мне его контакты? Только, чур, абсолютно между нами. Она паникует.

На том конце провода повисла короткая пауза. Я почти слышала, как шевелятся извилины.

— Общая знакомая? Интересно, — в голосе Кати зазвучал явный интерес. — Ну, если деньги не проблема... Тогда только Марк Самойлов. Его фирма «Щит и Скипетр» вела мой процесс. Берет дорого, но выжимает из противника все, включая душу, если она прописана в брачном контракте. Работает чисто, без лишнего шума. Только, да, никому ни слова, что от меня.

— Естественно, — прощепетала я. — Сбрось мне его координаты? Ты меня просто спасаешь, она больше не знает, к кому обратиться.

— Сброшу его личный контакт. И... Вик, береги себя. Если что — звони.

— Спасибо, Катюш.

Я положила трубку. Через минуту телефон запищал — пришло сообщение с данными. Фирма, адрес в Техномагическом квартале, номер для связи.

Я набрала номер.

— Слушаю, — ответил спокойный, профессиональный мужской голос.

— Здравствуйте. Мне рекомендовали ваши услуги по процессу развода. Мне требуется предварительная консультация. На условиях полной конфиденциальности. Я готова оплатить ваше время. Могу я записаться на личную встречу? Завтра, если возможно.

— Завтра утром в десять у меня есть окно, — после короткой паузы ответил адвокат. — Приходите по адресу: Невград, Техномагический квартал, башня «Дедал», 5-й этаж.

— Буду, спасибо.

Я положила трубку. Первый плацдарм для отступления был подготовлен. В голове уже выстраивался план: встреча, оценка перспектив, открытие отдельного счета, поиск жилья...

В этот момент внизу щелкнула массивная входная дверь, послышались тяжелые, уверенные шаги по мрамору холла. Александр.

Глава 3. Форс-мажор

Я быстро закрыла сейф, спрятала сумку в глубину гардеробной и вышла в спальню.

В руках у него был огромный, нелепый букет алых роз, который он держал так, будто это был чемодан с биологическим оружием. Его лицо, красивое и холодное, как маска, выражало раздражение. Он выглядел как человек, выполняющий неприятную, но необходимую формальность.

— Виктория, — произнес он, протягивая цветы. — Прости, что вчера был резок.

Я взяла букет. Они источали приятный аромат, так что я даже искренне улыбнулась, хоть никогда и не предпочитала розы.

Взгляд мужчины скользнул по комнате, по мне, и я увидела в нем то же самое: глухое, привычное раздражение. Никакой вины. Никакого раскаяния. Он притащил эти цветы, потому что так положено, чтобы замять скандал.

В горле Виктории встал бы ком обидных слез, и она начала бы кричать или плакать.

— Спасибо за цветы, Александр, — сказала я абсолютно нейтрально. — Я устала. Думаю, я рано лягу.

Он даже вздохнул с облегчением, что не придется разыгрывать долгую сцену примирения. Кивнул.

— Хорошо. Отдыхай.

После ухода Александра я не легла. Сон был последним, чего я хотела. Вместо этого я села за туалетный столик, теперь украшенный кричащим букетом, и начала систематизировать информацию.

Виктория Захарова-Воронова числилась «лекарем-диагностом 2-й категории», а заодно и заведующей отделением в элитной клинике «Гиппократ», которая, разумеется, входила в холдинг «Воронов-Медикал». Я порылась в памяти, вытаскивая детали.

Клиника «Гиппократ» являлась типичным образцом медицины для элиты этого мира. Белоснежное здание в неоклассическом стиле в самом престижном районе Невопограда, острове Элизиум. Персонал в безукоризненных униформах, похожих на модную одежду. Пациенты — члены парламента, жены олигархов, звезды магического и обычного спорта.

Медицина в этом мире основана на магии, которая стала товаром и определяла жёсткую социальную иерархию. В основе системы лежало прямое энергетическое воздействие — лекарь с врождённым даром (силой от 4 и выше) направлял поток маны через ладони в тело пациента. Это было быстрее и престижнее, чем «варварская» хирургия, и стоило в разы дороже.

Диагностика проводилась через магическое сканирование — лекарь-диагност с помощью фокусирувочных линз или сильного врожденного дара мог «видеть» внутренние повреждения на энергетическом уровне. Обезболивание и седация

также осуществлялись магически лекарями в синих мантиях (анестетами).

Артефакты-усилители (легальные класса В и С) могли временно повысить способности лекаря, но их неконтролируемое использование или применение запрещенных класса D грозило потерей дара, психическими расстройствами или смертью — об этом предупреждали в частных университетах, но чёрный рынок всё равно процветал.

Существовала и «традиционная» ветвь — то, что в моем мире называлось просто медициной. Хирургия инструментами, фармакология, физиотерапия. Здесь она считалась чем-то устаревшим, «для бедных», но в то же время — необходимой подпоркой. Ее применяли в государственных больницах, когда магия была неэффективна (редкие случаи магического иммунитета), или когда требовалась грубая механическая работа. Или когда нужно было сэкономить: магическое лечение в частной клинике стоило целое состояние.

Социальная структура медицинского персонала была жесткой и напрямую зависела от силы дара и места работы. На вершине — магистры (золотая окантовка мантии) в частных клиниках. Далее — лекари-практики (4-6 категории) в зелёных, белых, красных и синих мантиях. Виктория, обладая слабым даром (сила 3) и нулевой мотивацией, числилась на самой низкой, 2-й категории. Формально она была «заведующей», по факту — в клинике не появлялась, а всю работу делал её заместитель из среднего класса.

Мое решение созрело мгновенно и было железным. Уволиться, причем немедленно. Работать в заведении, которым владеет Александр, быть у него на виду, зависеть от его подачек даже в этой сфере — нет, это полностью противоречило планам. К тому же, посещая клинику, я могла случайно столкнуться с будущими ключевыми фигурами сюжета, вроде той самой Кристины Соколовой, которая, если память не изменяла, должна была вот-вот устроиться туда же стажером-подлекарем по программе поддержки талантов.

В памяти Виктории, да и во всем идиотском романе, дар Кристины Соколовой преподносился как нечто уникальное и возвышенное: «редкий дар чистого видения». Мол, видит она не просто энергетические потоки, а самую суть, душу человека, все болезни и помыслы, что потенциально выводило её на уровень магистра-диагноста.

На следующее утро я оделась с особой тщательностью, надев костюм, который не выглядел ни вызывающе дорогим, ни нарочито скромным. Внутрь сумочки из мягкой кожи я положила паспорт, диплом, все найденные в сейфе банковские кристаллы, медицинскую карту и пачку наличных. Надела браслет-экран, настроив его на минимальную, ненавязчивую защиту от сканирования. Серьгу-коммуникатор оставила дома — она была привязана к домашней сети, и по ней Александр мог легко отследить мои перемещения.

Из-за двери, ведущей в мои апартаменты, доносились приглушенные голоса. Женский голос, резкий и властный,

отдавал короткие распоряжения прислуге. И низкий баритон Александра, отвечающий что-то сухое и почтительное.

Свекровь. Ирина Леонидовна Воронова являлась обычно ранним утром, чтобы «позавтракать с семьей». Под семьей подразумевались она, Александр, и Виктория в роли безмолвной, виноватой во всем куклы. Завтрак превращался в изощенный допрос под соусом едких замечаний о внешности, манерах, бездетности и бесполезности невестки. Виктория краснела, лепетала что-то невнятное, а потом, оставшись наедине с мужем, закатывала истерику, что лишь укрепляло его презрение и давало свекрови новые козыри для будущих уколов.

Я спустилась по лестнице. В столовой, за длинным столом, накрытом белоснежной скатертью и сервированном фарфором с гербом Вороновых, сидела Ирина Леонидовна. Она была воплощением ледяной элегантности: строгий костюм из тонкой шерсти пепельного цвета, белоснежная блуза, волосы, убранные в безупречную гладкую прическу, и лицо, на котором годы оставили лишь тонкую сетку морщин у глаз и жесткую складку у рта. Она о чем-то говорила с Александром, который сидел во главе стола, погруженный в чтение газеты. Его ответы были односложными.

Мой вход прервал ее монолог. Холодные, светло-серые глаза медленно обернулись ко мне, оценивающе скользнули с головы до пят.

— Виктория, наконец-то, — произнесла она, не утруждая себя приветствием. — Мы уже начали. Ты, как всегда, не считаешь нужным соблюдать распорядок дня. Александр так много работает, его день расписан по минутам, а ты позволяешь себе валяться в постели.

Прежняя Виктория тут же бы вспыхнула, начала оправдываться или, наоборот, нападать.

Я подошла к столу, спокойно кивнула слуге, который тут же подвинул для меня стул. Села, расправила салфетку.

— Доброе утро, Ирина Леонидовна. Вы, кажется, ранняя пташка.

Я налила себе кофе из серебряного кофейника, который сам поддерживал идеальную температуру напитка. Мой тон был абсолютно нейтральным, деловым.

Свекровь слегка приподняла бровь. Александр оторвал взгляд от газеты, мельком глянув на меня с легким удивлением.

— Я всегда завтракаю с сыном, когда у меня есть возможность, — отрезала она, отломив крохотный кусочек бисквита. — В здоровой семье принято начинать день вместе. Но тебе, пожалуй, этого не понять. Твои родители, кажется, предпочитают отдельные апартаменты и свободу друг от друга. Что, впрочем, объясняет многое.

Старая добрая тема: распущенная семья Захаровых против аристократичной, сплоченной династии Вороновых. Удар ниже пояса, и всегда болезненный для Виктории.

Я сделала глоток кофе. Вкус был превосходным. Затем поставила чашку на блюде с легким, но четким звоном.

— Удивительная наблюдательность, Ирина Леонидовна, — сказала я с легкой, почти дружеской улыбкой. — Вы абсолютно правы. Мои родители действительно ценят личное пространство и взаимное уважение. Возможно, поэтому их брак просуществовал тридцать лет без громких скандалов. Думаю, это достойный пример для подражания. Не находите?

В столовой повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением магического чайника на буфете. Александр медленно опустил газету и посмотрел на меня с неподдельным удивлением. Ирина Леонидовна замерла с кусочком бисквита на вилке. Ее лицо застыло, но в глазах вспыхнули острые, холодные искры.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать? — её голос, обычно властный и ровный, стал выше, острее. — Ты забываешь, кто ты и где ты находишься? Ты — никто в этом доме! Ты — несчастная ошибка моего сына, которую он терпит из вежливости!

Я сделала глоток кофе. Горечь была приятной, бодрящей.

— Я ни на секунду не забываю, кто я. Я — Виктория Воронова, и на данный момент, согласно брачному контракту и законам Невограда, я имею полное право находиться в этом доме и... «валяться» в своей постели столько, сколько сочту нужным

— Мама, успокойся, — сказал Александр безразлично.

— Успокоиться?! — Ирина Леонидовна обернулась к нему, и её взгляд был полон такого бешенства, что даже он слегка откинулся в кресле. — Она оскорбляет меня в моём же доме! Она издевается! И ты позволяешь ей! Из-за неё этот дом уже три года — не семья, а бардак! Из-за её истерик, её пустых трат, её бесплодности! Она даже наследника дать тебе не может! Бесплезное, никчёмное создание!

Слово «бесплодность» она вонзила в воздух, как нож. Это была её любимая, самая болезненная тема. В прошлом такие выпады всегда заканчивались для Виктории слезами и унижением.

Я поставила чашку на блюдце с тихим звоном.

— Моя способность или неспособность к деторождению — вопрос, который следовало бы обсудить с вашим сыном и компетентными лекарями, а не использовать как дубину за завтраком. Что же касается семьи... — я сделала паузу, глядя прямо на нее. — Разводить склоки и нагнетать атмосферу — это как-то... мелко, не находите? Для дамы вашего статуса.

— Ты забываешься, девочка. Ты говоришь со мной в таком тоне? Ты, которая ничего из себя не представляет без нашей фамилии?

— Странно. А я всегда думала, что соответствовать фамилии — значит иметь честь и достоинство. Не унижать тех, кто не может ответить. Не пытаться контролировать каж-

дый шаг взрослых людей, пряча собственную неудовлетворенность жизнью за маской семейных традиций.

В столовой стало так тихо, что слышно было, как за окном щебечет какая-то птица. Лицо Ирины Леонидовны побелело, а затем налилось густым, нездоровым румянцем. Она попыталась что-то сказать, но вместо слов из ее горла вырвался лишь хриплый, свистящий звук. Она схватилась за воротник блузки, глаза расширились от паники и непонимания. Пальцы дрожали.

— Мама? — Александр отодвинул стул, его бесстрастная маска наконец треснула, обнажив растерянность.

Ирина Леонидовна закатила глаза и стала медленно оседать на столе, опрокидывая вазочку с джемом.

Я действовала на автомате, вскочила, обошла стол и оказалась рядом с ней еще до того, как Александр успел встать.

Гипертонический криз. Судя по окраске лица и симптомам — внезапный скачок давления на фоне стресса. Высокий риск инсульта или разрыва сосуда. В этом мире первая помощь при таком — вызов лекаря-терапевта или экстренное магическое успокоение. Но никого рядом нет, кроме меня.

Руки сами потянулись к ее вискам. Воспоминания Виктории о базовых манипуляциях наложились на мои глубокие знания физиологии. Я не умела «видеть» потоки маны, как настоящие лекари-диагносты. Моя сила дара была всего 3, достаточная лишь для простейших процедур. Но я точно

знала, что нужно сделать: расслабить спазмированные сосуды, снизить частоту сердечных сокращений, убрать паническую атаку.

Я закрыла глаза на секунду, отсекая все лишнее: и собственное напряжение, и удивленный взгляд Александра, застывшего на полпути. Внутри, в глубине этого нового тела, я ощутила слабый, едва заметный резервуар — тот самый «дар» Виктории, дремавший и почти атрофированный от неиспользования. Я использовала самую простую, базовую технику направленного успокоения, которой обучали всех медиков-первокурсников для купирования панических атак или снятия острой головной боли. Не лечение, а первая помощь.

Я представила конкретные физиологические процессы. Сосуды головного мозга, сжатые в тисках спазма. Сердце, бьющееся в бешеном ритме. Я мысленно нарисовала картину: плавное расширение, замедление, глубокий, ровный вдох. И направила туда свой слабый, но очень сконцентрированный импульс, имитирующий действие хорошего гипотензивного и седативного препарата.

Мои пальцы на висках свекрови слегка потеплели. Я почувствовала под ними резкую, хаотичную пульсацию, которая постепенно, с трудом, начала выравниваться и замедляться. Цвет лица Ирины из багрового стал переходить в бледный, но уже не смертельный, а просто испуганный. Она

судорожно глотнула воздух, глаза сфокусировались на мне. В них был ужас, стыд и что-то еще, очень похожее на потрясение.

— Глубоко вдохните, — сказала я ровным, спокойным тоном, каким говорила с пациентами в реанимации. — Медленно. Выдохните. Еще раз.

Она, повинувшись, сделала несколько дрожащих вдохов. Дыхание выравнивалось.

— Что... что ты сделала? — хрипло прошептала она.

— Оказала первую медицинскую помощь, — так же ровно ответила я, убирая руки. — Вам следует сегодня избегать стрессов, Ирина Леонидовна. И, на всякий случай, вызвать вашего личного лекаря для контроля давления. Вы же не хотите реальных проблем со здоровьем из-за пустых переживаний.

Я отошла от стола, чувствуя легкую слабость в ногах — отдача от использования магии.

Александр смотрел на меня так, будто видел впервые. Его привычная маска высокомерного безразличия исчезла. Он смотрел на мои руки, потом снова в глаза.

— Откуда ты... — начал он, но не закончил.

— Я закончила частный магический медицинский университет, Александр. С отличием, — напомнила я ему, возвращаясь к своему месту. — Вашей матери нужен покой. Я думаю, наш семейный завтрак закончен.

Я допила кофе, встала и, не глядя больше ни на кого из

них, вышла из столовой.

Я прошла в свою гардеробную, закрыла дверь и облокотилась о прохладную поверхность встроенного шкафа, чувствуя, как только что испытанное мной удовлетворение стремительно уступает место тревоге.

Что я наделала? Не время было качать права и демонстрировать силу воли. Я — посторонний в этом теле, в этом мире, со мной произошел системный сбой, а я веду себя так, будто у меня есть надежный тыл и право на ошибку. Показать характер? Зачем?

Любое отклонение от сценария словно камень, брошенный в воду. Круги неизбежно разойдутся, и я не могу предсказать, куда вынесет этот новый поток. Сейчас мне нужна была не героическая стойкость, а тишина, возможность незаметно подготовить побег. А я вместо этого бросила вызов прямо в логове врага. Идиотка. Глава 3. Форс-мажор

Глава 4. Приготовления

Я вызвала лифт, спустилась в подземный гараж. Ряды машин, каждая из которых являла собой шедевр техномагического искусства, сверкали под светом хрустальных светильников. Я нашла свой солидный, темно-синий седан с усиленными защитными чарами. Ключ от него висел на соответствующем крючке. Система распознала мой энергетический след, и дверь беззвучно отъехала в сторону.

Техномагический квартал Невопогра резко контрастировал с утопавшими в зелени бульварах Элизума. Архитектура стремилась вверх — стекло, сталь, редкие породы дерева, пронизанные светящимися руническими узорами. Здесь создавали стартапы, патенты на магические технологии и заключали многомиллионные контракты. Сердце капитализма этого города.

Башня «Дедал» была одной из самых высоких, ее шпиль терялся в низких облаках. На пятом этаже, за дверью из матового стекла с гравировкой «Щит и Скипетр», находился офис.

Меня встретила секретарь — молодая женщина с идеальной прической и внимательным, непроницаемым взглядом.

— Я к адвокату Самойлову, у нас назначена встреча, — сказала я.

— Проходите, господин Самойлов вас ждет.

Кабинет адвоката был образцом сдержанной, дорогой функциональности. Панели из темного дуба, встроенные книжные шкафы с юридическими фолиантами и рядами кристаллов памяти, массивный письменный стол, на котором царил идеальный порядок.

Марк Самойлов оказался мужчиной лет сорока пяти, с седеющими висками и острым взглядом. Он оценил меня быстрым, профессиональным взглядом, когда я вошла, и жестом пригласил сесть в кожаное кресло напротив.

— Марк Самойлов, — представился он. — Рад вас видеть. Чем могу быть полезен?

Я села, положила сумочку на колени и, не отводя взгляда, начала говорить спокойно и четко.

— Я нахожусь в браке с Александром Вороновым. Брак был заключен по расчету, с подписанием брачного договора. Я не была достаточно осмотрительна и не привлекала независимого юриста при его составлении. Сейчас я понимаю, что условия договора для меня кабальные. Мне нужна экспертная оценка: что я могу сделать в данной ситуации, и какие у меня есть варианты для максимально возможного сохранения активов в случае развода. Конфиденциальность — абсолютный приоритет.

Самойлов кивнул, его пальцы потянулись к одному из ящиков стола. Он извлек тонкую папку из плотной бумаги.

— Стандартная процедура. Для начала мне потребуется копия вашего брачного договора для изучения. Она у вас

имеется?

Я достала из сумки и положила перед ним брачный контракт. Толстая папка в кожаном переплете, страницы испещрены не только текстом, но и сложными руническими формулами, которые светились тусклым золотым светом. Документ был магически заверен, и любое его нарушение влекло за собой ощутимые последствия.

Самойлов надел тонкие полупрозрачные перчатки из материала, блокирующего случайный энергообмен, и принялся изучать. Он листал страницы медленно, временами проводя пальцем над рунами, наблюдая за их реакцией. Его лицо оставалось невозмутимым, но я заметила, как чуть сжались его губы, когда он дошел до ключевых разделов.

— Стандартный для вашего круга документ, — наконец произнес он, отодвинув папку. — Если не сказать — образцово-показательный в своей... жесткости. Изначально составлен юристами семьи Вороновых, ваши родители вносили лишь некоторые поправки, связанные с материальными гарантиями для вас. Основной смысл прост: в случае расторжения брака по инициативе любой из сторон, все имущество, нажитое в браке, включая подарки, остается у стороны, чьи активы его породили. Проще говоря, вы уходите с тем, что принесли с собой: ваши личные счета, драгоценности, подарки от родителей. Все, что связано с Александром Вороновым и его холдингом, включая этот особняк, автомобили, акции, доходы — остается у него.

Он сделал паузу, давая мне осознать.

— Выходит, если я захочу развестись, то получу назад свое приданое и уйду в никуда, — констатировала я без эмоций.

— Именно. Более того, — он перевернул страницу, — здесь есть пункт о «дискредитирующем поведении». Если будет доказано, что одна из сторон своими действиями нанесла серьезный ущерб репутации или деловой репутации другой стороны, то пострадавшая сторона имеет право требовать дополнительной компенсации за моральный вред, размер которой определяется судом, но с учетом оговоренного минимума. В вашем случае это сумма, сравнимая с годовым доходом средней клиники холдинга. Вторая сторона, насколько я понимаю, подписывала это, будучи уверенны, что дискредитировать репутацию могущественного Воронова вы не сможете в принципе.

— А что насчет измены? — спросила я прямо. — Если она будет доказана.

Самойлов наклонился вперед, его взгляд стал острым, профессионально заинтересованным.

— Тогда ситуация кардинально меняется. Вы становитесь пострадавшей стороной в рамках пункта о дискредитации. Его измена, будучи доказанной и, главное, став публичным достоянием, нанесет удар по его репутации. Вы сможете не только требовать компенсацию за моральный вред, но и оспорить некоторые имущественные разделы контрак-

та, представив его действия как злонамеренные и нарушающие изначальный дух соглашения. Вам, возможно, не удастся «содрать его шкуру», учитывая мощь его юридической машины, но добиться очень комфортного отступного — да. Особенно если действовать быстро, решительно и до того, как он опомнится.

Он откинулся на спинку кресла.

— Но должен вас предупредить, Виктория. Охота за такими доказательствами в мире, где ваш муж возвращается, — дело крайне дорогое и рискованное.

— Я готова ко всему, что выведет меня из этой ситуации с максимальной прибылью, — ответила я твердо. — Я хочу заключить с вами договор на правовое сопровождение. Всю подготовку, анализ, поиск специалистов для сбора информации ведете вы. Я оплачиваю ваше время и все расходы. Александр не должен ничего заподозрить, пока мы не будем готовы предъявить доказательства. Я не буду информировать его о начале процедуры развода или о своих намерениях до того момента, как вы скажете, что все козыри у нас на руках.

Адвокат внимательно меня выслушал, его пальцы постукивали по столу.

— Это разумная стратегия. Вы готовы начать и финансировать процесс, не зная, будет ли результат?

— Я готова заплатить за саму возможность этого результата, — ответила я. — И за то, чтобы у меня был человек, который знает все детали и будет готов действовать мгновенно.

но, когда наступит момент.

— Хорошо, — кивнул Самойлов. — Тогда я подготовлю договор об оказании юридических услуг. В нем будет прописана почасовая ставка, отдельный фонд на оперативные расходы, который вы пополните, и мое обязательство о неразглашении. Подпишем его сегодня с применением конфиденциального заклѣтья. После этого я начну предварительный анализ: изучу бизнес-структуры Александра, выявлю возможные слабые места, подготовлю список проверенных частных детективных агентств, специализирующихся на таком уровне дел. Как только вы обеспечите финансовую сторону, мы начнем действовать.

Час спустя я вышла из башни «Дедал» с экземпляром договора в сумке. Документ был подписан и скреплен не только чернилами, но и легким, едва видимым свечением персональных печатей, которые оставили магическую метку о заключении сделки. Я чувствовала смесь напряжения и удовлетворения. Первый шаг к юридической свободе был сделан.

Теперь следовало обеспечить финансовую независимость, хотя бы на первое время. Согласно моим вчерашним изысканиям в памяти Виктории, у меня, вернее у нее, был личный счет, но его размеры были скромными по меркам Вороновых. Основные деньги шли через Александра. Однако, он дал Виктории кредитный кристалл с лимитом, привязанный к одному из его корпоративных счетов, для «мелких те-

кущих расходов». Под мелкими расходами подразумевались покупки одежды, украшений, оплата спа-процедур — суммы в десятки, а то и сотни тысяч в месяц. Лимит был огромен, и Виктория пользовалась им бездумно.

Я направилась в ближайший банк, один из тех, что обслуживал элиту. Мраморный зал, тишина, нарушаемая лишь мягким перезвоном кристаллов, висящих над столами менеджеров. Меня, как супругу Воронова, узнали мгновенно и проводили в отдельный кабинет.

— Я хочу снять крупную сумму наличными, — сказала я управляющему, молоджавому мужчине в безупречном костюме, и положила на стол тот самый темно-синий кредитный кристалл.

— Конечно, госпожа Воронова, — кивнул он, взяв кристалл и вставив его в углубление на столе. Над столом всплыл голографический интерфейс с цифрами. — Какую сумму вы хотите снять?

Я назвала цифру. Управляющий чуть заметно поднял бровь. Это было больше, чем Виктория обычно снимала за раз, но все еще в пределах лимита и не настолько, чтобы вызвать автоматическое оповещение Александра — такие правила были установлены для удобства, чтобы муж не отвлекался на каждую крупную покупку жены.

— Основание для снятия? — вежливо осведомился он, как того требовали правила.

— Покупка предметов искусства на предстоящем аукци-

оне, — легко солгала я, вспоминая, что в памяти Виктории действительно была информация о таком мероприятии на следующей неделе.

Объяснение устроило управляющего. Через несколько минут мне выдали несколько плотных конвертов из специальной бумаги, блокирующей магическое сканирование, и небольшой дипломат из зачарованной кожи. Внутри лежали пачки купюр. Суммы, которой с лихвой хватило бы на несколько месяцев безбедной жизни в дорогой квартире, на оплату услуг адвоката и детективов, и еще осталось бы на черный день.

Деньги давали время. Время, чтобы найти жилье, время, чтобы адвокат начал свою работу, время, чтобы не метаться в панике, когда все рухнет.

Пока машина скользила по улицам Невограда, я смотрела в окно. В голове уже строились дальнейшие планы.

Снять квартиру. Не через агентство, а найти что-то самостоятельно, возможно, через те же теневые каналы, которыми будет пользоваться Самойлов.

Постепенно, осторожно вывозить из особняка самые необходимые вещи: документы, медицинский набор, простую, неброскую одежду.

И ждать, когда в жизнь Александра войдет Кристина Соколова. Ждать, когда он совершит свою ошибку. А затем действовать быстро и безжалостно.

Глава 5. Рефлексия

Пока я вела машину по набережной, парковала её и поднималась на лифте в свои апартаменты, внутри меня держалась напряженная собранность. Я продумала шаги, оценила риски, нашла союзника в лице юриста. Но стоило тяжелой двери с магическим замком закрыться за мной, отсекая внешний мир, как эта собранность рассыпалась в прах, и на меня навалилось все, что я до сих пор успешно от себя отгоняла.

До этого меня спасала необходимость действовать: разобраться в ситуации, найти адвоката, добыть деньги, противостоять Александру и его матери. Дела заставляли мозг работать на конкретных, сиюминутных задачах, не оставляя места для рефлексии. Теперь, когда первый этап подготовки был формально завершен, наступила пауза. И в эту паузу хлынуло осознание всей чудовищности моего положения.

Мое настоящее «я», Лика, тридцатипятилетний врач с хорошим стажем, с друзьями, коллегами, с уютной квартирой, с утренним кофе в термосе перед сменой, всё было стерто. Уничтожено падением какого-то идиотского рекламного щита по вине какого-то космического «пылесоса». Моя жизнь, мои планы, мои маленькие, но такие важные для меня победы и неудачи, всё это перестало существовать. Я оказалась вырванной из своей реальности и втиснутой в чужую, с

чужим телом, чужими воспоминаниями и абсолютно враждебным окружением.

Вечер прошел в полной прострации. Я не могла заставить себя есть. Не могла читать. Я просто сидела, а потом лежала, уставившись в потолок, пока за окном день не сменился ночью. Мысли путались, цепляясь за абсурдные детали: запах кофе в моей старой кружке, лицо соседки по лестничной клетке, звук дождя за окном моей настоящей, потерянной квартиры. Тоска была тупой, всепоглощающей, парализующей.

Когда наступила ночь, я поняла, что не усну. Мысли, от которых я бежала днем, теперь набрасывались на меня в темноте с утроенной силой. Воспоминания о моей жизни накладывались на обрывки жизни Виктории, создавая мучительный, сюрреалистичный коллаж. Я ворочалась, пока шелковые простыни не спутались в тугой узел вокруг ног.

В конце концов, я поднялась, нашла в ванной среди прочих флакончиков снотворное — дорогое, мягкое, без побочных эффектов, как уверяла этикетка. Я приняла его. Физическое тело Виктории подчинилось быстро, погрузившись в глубокий сон, но моё сознание, казалось, зависло где-то на границе, наблюдая за этим отстраненно и с отвращением.

Утро пришло серым и недобрым. Я проснулась от резкого, назойливого звона в уши — побочного эффекта местного снотворного, как тут же подсказала память Виктории. Голова была тяжелой, мысли вязкими, как патока. Желание по-

вернуться на другой бок и снова провалиться в небытие было почти физическим. Казалось, поднять веки — непосильная задача. Зачем? Ради чего?

Я лежала, уставившись в узор на балдахине, и чувствовала, как апатия затягивает меня, как трясина. Это было опасно. Очень опасно. Я знала это состояние. Видела его у пациентов, потерявших волю к жизни. Если я сейчас позволю себе сдаться, то уже не поднимусь. И тогда сценарий романа исполнится с фатальной неизбежностью: сумасшедший дом, наркотики, смерть в грязи.

Но что могло заставить меня подняться? Тоска по дому не работала, она лишь тянула на дно. Страх смерти? Он был приглушенным, абстрактным. Тогда что?

Я заставила себя думать.

До начала основных событий романа — до того самого ужина, где Александр и Кристина встретятся, — оставалось совсем немного. Если я хочу вырваться из этого брака, а не быть выброшенной из него на улицу обанкротившейся сумасшедшей, мне нужно было действовать.

Если я проваляюсь здесь в депрессии, то проснусь уже в мире, где сюжет набрал необратимые обороты.

Мысль о том, что время работает против меня, наконец прорезала толщу апатии, как скальпель. Нет, я не могу просто ждать. Я должна действовать. Нужно было встретиться с детективом, которого наймёт Самойлов, и дать ему конкретные указания, не раскрывая, откуда у меня информация.

Нужно было искать новое жильё — тихое, незаметное, куда можно будет переехать в день икс. И мне нужно работать. Не для денег — деньги у меня теперь были, — а для восстановления профессиональной идентичности.

И, что самое сложное и неприятное, нужно было думать о Глебе.

Именно эта мысль заставила мои мышцы наконец напрячься. Я медленно, преодолевая тяжесть в каждой кости, села на кровати. Потом встала. Сделала несколько шагов к окну, распахнула шторы. Слепящий серый свет хлынул в комнату.

Я приняла душ, на этот раз обжигающе холодный, чтобы прогнать остатки снотворного и саморефлексии. Заставила себя съесть кусок тоста и выпить кофе. Еда казалась безвкусной, но она давала силы.

Затем вернулась к размышлениям о том имени, что затерялось среди любовной чепухи романа — Глеб Орлов.

Была в романе и детективная составляющая, введенная, очевидно, для придания глубины и напряжения.

Череда загадочных, жестоких убийств, которые всколыхнули Невоград. Жертвами становились люди из разных социальных слоев, связанные, казалось, лишь одним — все они незадолго до смерти обращались за медицинской помощью. Расследование зашло в тупик, пока случайно, благодаря своему редкому дару «чистого видения», улики не обнаружила Кристина Соколова. Она же, естественно, в процессе рас-

крытия преступления сблизилась с Александром, а в финале, публично разоблачив маньяка, получила всеобщее признание и славу.

Преступником оказался Глеб Орлов, лучший друг Александра, военный лекарь, ныне работающий в одной из городских клиник.

В романе его изобразили стереотипным глупым злодеем, психопатом и маньяком, убивавшим, как выяснилось, не ради выгоды или мести, а «ради самого процесса», из скуки и чувства превосходства. Его разоблачение было ярким, но пустым театральным жестом, нужным лишь для того, чтобы возвысить Кристину и дать Александру еще один повод восхититься ее уникальностью.

Сейчас же Глеб был не абстрактным злодеем из книги, а реальным человеком. Он приходил в этот дом, ужинал за одним столом, шутил с Александром. В памяти Виктории он оставался слегка насмешливым, циничным, но в целом приятным в общении человеком. Он бывал у них дома, участвовал в редких совместных ужинах.

И вскоре он начнет убивать. Первое убийство, согласно хронологии романа, должно было произойти еще до знаменитой измены Александра с Кристиной. До того момента, который был мне жизненно необходим как рычаг для развода. Теоретически я могла бы попытаться предотвратить эти смерти. Сообщить в полицию анонимно. Предупредить ко-

го-то.

Но предотвратить первое убийство означало сбить сюжет с его накатанной колеи ещё до ключевого для меня события — измены Александра. Если я вмешаюсь сейчас, если первое убийство не произойдет или маньяка поймают раньше, вся цепочка событий сойдётся. А главное. не будет того самого вечера, когда их обоих под воздействием посторонних веществ занесет не в ту дверь. Без этого эпизода, без доказательств его измены, мой план с адвокатом Самойловым терял главный козырь. Я оказывалась в ловушке собственного милосердия: спасти незнакомых людей ценой своей свободы, а возможно, и жизни, учитывая, чем закончилась для Виктории эта история в оригинале.

Это осознание оставило во рту горький привкус, более сильный, чем у остывшего кофе. Я отставила чашку, встала и подошла к окну.

Я строила стратегию, исходя из текста дешёвого романа, как будто мир обязан был подчиняться его кривому сюжету. Но мир, как я уже успела убедиться, был сложнее, плотнее, обладал собственной инерцией и массой неучтённых деталей. Например, адвокат Самойлов. Или свекровь, чуть не отправившаяся к праотцам за завтраком.

Магия, возведенная здесь в ранг науки, стала здесь главным инструментом социального расслоения. Дар, данный от рождения, определял не только профессию, но и место в иерархии, доступ к благам, саму возможность полноценной

жизни. Бездарные — те, кто не мог ощущать и направлять потоки маны, — были обречены на положение вечных аутсайдеров, обслуживающего персонала для одаренной элиты. Медицина, та самая сфера, где я чувствовала себя как рыба в воде, здесь была пронизана этим неравенством насквозь. Лекарь-манипулятор высшего уровня, способный срastить нервные окончания или остановить внутреннее кровотечение силой мысли и жеста, становился божеством. «Традиционный» хирург, даже виртуозный, считался в лучшем случае умелым ремесленником, а в худшем — архаичным пережитком.

И на этом фоне, поверх этой сложной, живой реальности, был натянут примитивный каркас любовного сюжета.

И прежде чем делать что-то для этого мира, мне нужно было сделать что-то для себя. Для того, чтобы не потерять последние опознавательные знаки собственной личности в этом чужом теле.

Я встала, прошла в будуар к изящному письменному столу из красного дерева, нашла в ящике лист плотной, кремовой бумаги и взяла перьевую ручку, которая оказалась на удивление удобной в руке.

Я вывела заголовок: «Кто я и что я люблю».

Я люблю коньки. Холодный, гладкий лёд под лезвиями, ритмичный скрежет, когда ты набираешь скорость, и это чувство полёта, почти невесомости, когда все проблемы остаются где-то там, за бортиком. Я всегда каталась по вос-

кресеньям на открытом катке возле старого парка, потом пила обжигающий глинтвейн в маленьком киоске, и пальцы от холода едва разгибались, чтобы удержать бумажный стаканчик.

Я люблю вязать. Это медитативное, почти механическое действие, когда ряд за рядом под спицами или крючком рождается что-то тёплое и осязаемое. Я вязала сложные узоры, ирландские кружева, свитера с косами. Половина шкафа в моей старой квартире была завалена мотками пряжи всех цветов. Вязала я обычно под старые детективные сериалы или аудиокниги.

Я люблю читать фантастику и хорошее фэнтези, где мир построен с внутренней логикой, а герои обладают интеллектом и моральными дилеммами. Книги с потрёпанными обложками стояли у меня повсюду — на полках, на тумбочке, в ванной. Я могла цитировать целые абзацы из Стругацких или Сандерсона.

И я любила вести блог. Я писала туда отзывы на книги, на фильмы, иногда срывалась на небольшие эссе о работе, о случаях в больнице, тщательно вымарывая все детали, которые могли бы кого-то идентифицировать. У меня было пара сотен постоянных читателей, с которыми я иногда спорила в комментариях. Это была моя отдушина, мой способ не сойти с ума от ежедневного столкновения со смертью и бумажной волокитой.

Я вывела эти пункты на бумаге чётким, почти каллигра-

фическим почерком, которым я не владела в своей прошлой жизни.

Когда я закончила, я положила ручку, сложила листок вчетверо и убрала его в потайной карман своей сумки. Это простое действие принесло странное, почти физическое облегчение.

Я напомнила себе, чем прекрасна жизнь.

Теперь нужно было заняться чем-то практичным, что продвинуло бы мой план вперёд.

Глава 6. Встреча с «отцом»

Мысль о работе, о возможности применить свои реальные навыки, не давала покоя. В клинику «Гиппократ», конечно, идти было нельзя, я даже не уволилась еще оттуда.

Но был другой вариант.

Я взяла свой техномагический телефон и выбрала номер, который помнила из воспоминаний Виктории, хотя набирала его впервые за долгое время.

Трубку взяли после третьего гудка.

— Лекарь Захаров, — прозвучал усталый, но собранный мужской голос. Голос моего отца в этом мире.

— Папа, это я, — сказала я, стараясь, чтобы в голосе не звучала привычная для Виктории нота пренебрежения или скуки.

На той стороне наступила короткая, удивлённая пауза.

— Вика? Всё в порядке? — в его тоне мгновенно появилась тревога. Виктория никогда не звонила ему просто так. Только если требовались деньги на какую-нибудь новую, безумно дорогую безделушку, которую Александр отказывался финансировать.

Николай Захаров. В воспоминаниях Виктории он фигурировал как нечто несущественное, почти позорное. Белая ворона в блестящей, алчной семье Захаровых. В то время как ее дед, основатель и владелец фармацевтического гиганта

«Захаро-Медикал», и бабушка, светская львица и по совместительству член совета директоров, грели руки на обороте магических фармпрепаратов, отец выбрал иной путь. Он работал обычным врачом-диагностом высшей категории (белая мантия без золотой окантовки, значит, не магистр, но сильный практик с доходом среднего класса) в государственной клинике скорой помощи. Не стремился к деньгам, не участвовал в семейных интригах, предпочитая тихую жизнь на скромной, по меркам семьи, зарплату. Прощая Викторию презирала его за эту «слабость», за отсутствие амбиций, считая его неудачником. Теперь же, просматривая её воспоминания свежим взглядом, я видела другое: человека, сохранившего верность профессии, несмотря на давление семьи и соблазны перейти в прибыльный частный сектор.

В романе о нем упоминалось вскользь, лишь как об еще одном элементе, разрушенном мстостью Александра: «Отец Виктории, Николай Захаров, вскоре после краха компании был уволен из клиники из-за постановки неверного диагноза». Вот и все. Еще одна сломанная жизнь в угоду торжеству «настоящей любви».

Мне же он был интересен с практической точки зрения. Мне нужна была работа. Лицензия у Виктории была, диплом — формальный, но все же был. А главное — у меня были знания и навыки настоящего врача, пусть и из другого мира. Отец, человек от медицины, мог стать моим проводником в эту систему, помочь устроиться.

— Всё в порядке, пап. Просто... мне нужно с тобой поговорить.

Ещё одна пауза, более длинная. Я слышала, как на заднем плане раздавались приглушённые голоса, привычный гул больницы.

— Вика, я на сутках, — сказал он наконец, и в его голосе послышалась растерянность, смешанная с усталостью. — Сейчас дежурство, завтра планерка... Может, завтра вечером? Или... если срочно нужны деньги, я могу перевести. Сейчас как раз...

— Деньги мне не нужны, пап, — перебила я его мягко, но твёрдо. — Мне нужно именно поговорить. А раз ты на сутках, я могу приехать к тебе на работу. Привезу тебе обед и кофе, знаю, как там кормят.

Молчание на том конце провода затянулось настолько, что я уже подумала, не разъединились ли мы.

— Ты... приедешь сюда? В клинику? — он произнёс это так, будто я предложила навестить его на Луне.

— Да. Через пару часов. Это удобно?

— Да... да, конечно, удобно, — он ответил быстро, словно боясь, что я передумаю. — Только, Вика, тут сейчас... обычный рабочий день, суматоха. Не самый подходящий момент для серьёзных разговоров.

— Ничего, я подожду, если ты будешь занят. Просто хочу тебя увидеть, — сказала я.

Прежде чем выехать, я задержалась в городе. Зная, каково

это, работать сутки, особенно в приемном покое, где не до нормальной еды, я заехала в одно из приличных кафе. Купила два больших термоконтейнера с горячим: наваристый мясной суп, тушеное мясо с овощами и гарниром. И отдельно — два больших стакана с крепким, черным кофе, который здесь, судя по вывеске, готовили с добавлением какого-то бодрящего, но безвредного травяного экстракта. Я также отдельно заплатила за термочары - теперь еда и напитки еще долго не остынут. Потом остановилась у пекарни и взяла ещё пирожков с разными начинками.

Государственная клиника №3 располагалась в промышленном районе Невопограда. Здание было старым, солидным, из тёмного кирпича, с высокими узкими окнами.

Народу в приемной было немного — пара человек с явно не экстренными проблемами сидели у стены, дожидаясь своей очереди. У регистратуры дежурила усталая девушка в синем халате.

Меня пропустили без вопросов, стоило мне назвать фамилию отца.

На седьмом этаже я вышла в длинный, ярко освещенный коридор. Справа тянулись двери кабинетов, слева — окна, выходящие во внутренний двор. Воздух был насыщен запахами медицины и магии, чувствовался характерный озоновый привкус после мощных энергетических вмешательств.

Я прошла мимо открытых дверей: в одной лекарь в зелёной мантии терапевта (средняя категория) накладывал ма-

гически усиленную иммобилизующую повязку подростку; в другой женщина в белой мантии диагноста сосредоточенно водила руками над головой сидящего в кресле пациента, ее ладони светились мягким золотистым свечением. Никаких красных мантий хирургов-манипуляторов — сложные операции здесь, видимо, делали редко, отправляя в лучше оснащённые центры.

Кабинет отца был в конце коридора. Дверь с табличкой «Н.С. Захаров, лекарь-диагност высшей категории» была приоткрыта. Я постучала и вошла.

Кабинет был небольшим, заставленным оборудованием. Не тем вычурным, дизайнерским, что стояло в «Гиппократе», а старым, добротным, с потертыми краями и множеством встроенных магических модулей, которые явно добавляли по мере необходимости. На столе громоздилась стопка бумажных историй болезни — аналог наших медкарт, но с вплетенными в бумагу тонкими кристаллическими нитями для хранения магических слепков диагноза. За столом сидел мой отец.

Он был старше, чем я представляла себе, глядя на смутный образ из памяти Виктории. Ему было лет пятьдесят пять, волосы с проседью были коротко и небрежно подстрижены, лицо — умное, усталое, с глубокими морщинами у глаз и рта. На нём был простой белый халат с вышитым серебряным жезлом с изумрудом на груди — знаком лекаря

высшей категории, но не магистра. Он что-то писал, но, увидев меня, отложил ручку и поднялся. Его глаза, цвета выцветшей меди, смотрели на меня с выражением, в котором смешались радость, недоумение и настороженность.

— Вика. Ты и правда приехала, — сказал он, обходя стол. Он не знал, как себя вести, обнять меня или пожать руку. В итоге просто остановился в полушаге.

— Привезла тебе гостинцев, — я протянула ему пакет с едой и кофе. — Как дежурство?

Он взял пакет, заглянул в него, и его лицо смягчилось, стало почти беспомощным.

— Спасибо. Очень... очень своевременно. Завтракать толком не успел. Садись, прошу, — он показал на стул, а сам опустился в своё кресло, снова глядя на меня, словно пытаюсь разгадать загадку.

Я села, положила сумочку на колени. Николай достал суп и с видимым удовольствием его попробовал.

— Пап, мне правда не нужны деньги, — начала я снова, чтобы разрядить обстановку. — Мне нужно... посоветоваться. И поговорить о работе.

— О работе? — он откровенно удивился, отложив ложку. — У тебя же должность в «Гиппократе». Заведующая отделением, если не ошибаюсь...

— В «Гиппократе» я больше работать не буду, — перебила я его твёрдо. — Я хочу уволиться. И мне нужна другая работа. Мне нужна реальная практика, папа. Я думала... мо-

жет, у вас здесь есть вакансии? Хотя бы на полставки. Под-
лекарем, медсестрой, например.

Он смотрел на меня, будто я заговорила на древнем эль-
фийском. Его пальцы сжимали термостакан с кофе.

— Реальную практику? Виктория, прости, но последний
раз, когда мы говорили о медицине, ты назвала мою работу
«грязным ремеслом для неудачников». Вика, что случилось?
С Александром что-то... Он тебя...?

— Со мной всё в порядке, пап. Просто я... я много о чём
передумала. Поняла, что не могу так дальше. Хочу занимать-
ся медициной по-настоящему.

Он молчал, и я видела, как в его глазах идёт борьба. Жела-
ние поверить дочери, наконец-то проявившей разумный ин-
терес, сталкивалось с годами разочарований и привычным
недоверием. Он знал Викторию. Знал её лень, её поверхност-
ность, её презрение к его собственной работе.

— Это... очень серьёзное решение, Вика, — осторожно
сказал он. — Работа здесь — это пот, кровь, ночные дежур-
ства, неблагодарные пациенты и мизерная зарплата. Ты уве-
рена, что это тебе нужно? Может, лучше взять отпуск, от-
дохнуть, съездить на курорт? Вы с мамой могли бы...

— Нет, папа. Я уже достаточно отдохнула. Есть ли у меня
возможность здесь устроиться? Хотя бы на испытательный
срок.

Он вздохнул, потёр переносицу. В его движениях была
такая глубокая, профессиональная усталость, что мне стало

почти стыдно за свой напор.

— Формально... да, — сказал он медленно. — У нас вечная нехватка кадров среднего звена. С твоим дипломом... даже с твоим дипломом, — он чуть поморщился, прекрасно зная, как он был получен, — ты можешь претендовать на должность лекаря в диагностическом или процедурном кабинете. Но, Вика... — он посмотрел на меня прямо, и в его взгляде появилась твёрдая, отцовская строгость, — если ты решишься на это, я не буду делать тебе никаких поблажек. И если ты не справишься, если начнётся твоё обычное... если начнутся капризы, я сам выпишу тебе выговор и отстраню от работы. Понятно?

— Понятно, — кивнула я. — Я готова.

Он снова уставился на меня, будто пытаясь найти в моём лице следы розыгрыша. Но я смотрела на него спокойно и серьёзно.

Он покачал головой, собираясь что-то ответить, но в этот момент в кабинет, не постучав, ворвалась та самая девушка-администратор из приемной. Ее лицо было бледным, глаза широко раскрыты.

Глава 7. Изменения

— Николай Сергеевич! Только что поступил вызов — магическая битва в Техноквартале, обвалилось здание. Много пострадавших, тяжёлые травмы, ожоги. Готовим приёмное и операционные!

Отец мгновенно преобразился. Вся усталость слетела с него, лицо стало сосредоточенным, жестким.

— Я спускаюсь.

Девушка кивнула и выскочила обратно. Он уже двигался к двери, но обернулся ко мне.

— Вика, извини, — бросил он мне через плечо, — Видишь, как бывает. Ты... можешь подождать здесь или уехать. Разговор придется отложить.

Я тоже встала.

— Я пойду с тобой.

Он резко остановился.

— Ты? Куда? Вика, это не шутки. Там...

— У меня есть лицензия медицинская. Диплом. Я могу хотя бы сортировку помочь делать, подавать, ассистировать. Я не буду мешать. Но сидеть здесь, сложа руки, когда ты говоришь, что людей не хватает, я не могу.

Наши взгляды скрестились. В его глазах боролись недоверие, тревога за меня и профессиональная необходимость использовать любые руки. Последнее перевесило.

— Хорошо. Но делай только то, что скажу. Никакой самостоятельности. Поняла?

— Поняла.

Мы почти побежали по коридору к лифтам. Один из них уже ждал, двери были открыты. Внутри стояла тележка с набором стерильных инструментов и стандартных артефактов первой помощи. Отец втащил ее внутрь, я последовала за ним. Лифт рванул вниз.

Травмпункт располагался на первом этаже, с отдельным въездом для машин скорой помощи. Когда мы вышли, картина была уже иной, чем несколько минут назад. Тишину и сонную атмосферу приемного покоя разорвали на части грохот колес, крики, стоны, резкие команды. Воздух гудел от концентрации магической энергии — разные частоты лечебных и диагностических воздействий смешивались, создавая почти физически ощутимое давление.

Пространство было поделено на секторы. В ближайшем, сортировочном, медики в разноцветных халатах — зеленые терапевты, белые диагносты, красные хирурги-манипуляторы — быстро осматривали поступающих. Кто-то лежал на каталках, кто-то сидел, обхватив голову. Видны были ожоги странного, фиолетового оттенка — следы контакта с чужой, агрессивной маной. У одного мужчины рука была неестественно вывернута, и вокруг сустава вился дымок магического некроза. Другой бредил, из носа текла кровь, что было признаком энергетического удара по психике. Знаний Ви-

ки, на удивление, хватало, чтобы диагностировать большую часть магических травм.

Отец сразу включился в работу, подойдя к старшему лекарю травмпункта, пожилому мужчине с седыми щетками усов.

— Николай Сергеевич, хорошо, что вы тут. Берёте третий бокс. Тяжёлые, со смешанными поражениями, есть магия некроза, — отрывисто бросил старший, даже не поздоровавшись.

Отец кивнул и резким жестом велел мне следовать. Мы ворвались в бокс №5. На каталке лежал человек в обгоревшей, тлеющей по краям одежде. Его лицо было покрыто волдырями фиолетового оттенка, но главная проблема была в ноге. Из голени торчал обломок арматуры, обёрнутый сизой, пульсирующей магической гнилью. Сама рана почти не кровоточила — энергия некроза выжигала сосуды.

И прежде чем отец успел что-либо сказать, мы оба одновременно узнали этого человека. Высокий лоб, прямой нос, квадратный, упрямый подбородок. Глеб Игоревич Орлов. Лучший друг Александра. И — как я теперь, просматривая память Виктории, вспомнила — лекарь именно этой Государственной клиники №3.

Будущий маньяк и убийца из романа. Его здесь быть не должно. И он должен был сегодня-завтра стать убийцей, а не жертвой, лежащей на каталке с обломком арматуры в ноге.

— Орлов? — вырвалось у отца, и его голос прозвучал глу-

хо, с оттенком профессиональной тревоги. — Глеб Игоревич... Чёрт возьми, что он делал в эпицентре битвы?

Он быстро наклонился над каталкой, уже отбрасывая посторонние мысли, переводя взгляд с лица на рану.

— Вика, надень это и наблюдай. Ничего не трогай, — командовал отец и метнул в мою сторону упаковку с одноразовым халатом и перчатками.

Он подошёл к раненому и, не прикасаясь к нему, провёл ладонью над его телом, используя фокусировочную линзу. Отец нахмурился.

— Магический шок, ожог кожных покровов третьей степени, некротический фрагмент в мягких тканях голени с глубоким проникновением, — бормотал он себе под нос. — Надо извлекать, но прямое энергетическое воздействие спровоцирует взрыв остаточного некротического заряда в ране.

— Значит, хирургически? — не удержалась я, надевая халат, мои глаза были прикованы к знакомому, искаженному болью лицу. В памяти Виктории всплывали редкие встречи: Глеб у них дома, на каком-то из ужинов, его слегка насмешливый, прямой взгляд. Ничего общего с образом маньяка.

Отец резко посмотрел на меня, удивлённый, что я вообще сообразила это.

— Да, — коротко бросил он. — Но все хирурги-манипуляторы сейчас заняты и никто не будет возиться со скальпелем, когда можно попытаться заблокировать заряд и выта-

щить магией. Хотя это рискованно. Принеси оттуда, с тележки, стандартный набор для изоляции магии.

Я кивнула и принесла металлический кейс. Отец открыл его, доставая несколько кристаллических гранул.

— Буду блокировать, а потом извлекать энергетическим импульсом. Следи за пульсом и дыханием.

Я кивнула.

Он принялся за работу. Его пальцы, обёрнутые в перчатки со вплетёнными серебряными нитями, двигались быстро и точно. Он поместил гранулы вокруг раны, и они засветились тусклым синим цветом, создавая невидимый барьер. Затем Николай создал энергетический щуп, который вырос из его ладони и устремился к обломку. Раздалось шипение, из раны повалил едкий дым. Лицо отца покрылось испариной, но обломок не поддавался.

— Чёрт... Остаточная энергия в осколке сильнее, чем я думал. Изоляция не держит. Если сорвётся, ему ногу разворотит, — сквозь зубы процедил он.

Я наблюдала, и во мне всё кричало. Передо мной лежал человек, который вскоре должен был начать убивать. И сейчас он мог лишиться ноги или умереть здесь, на этом столе, сбив все мои расчёты и планы.

— Пап, — тихо сказала я. — Дай мне попробовать удалить хирургически.

Он замер, не отрывая взгляда от раны. Потом медленно

перевёл его на меня. В его глазах бушевала буря: недоверие, страх, профессиональный расчёт и отчаянная необходимость в решении.

— Ты же... ты никогда... — начал он.

— Я знаю, как это делать.

Минута тягучего молчания. Потом он резко кивнул — не потому, что поверил, а потому, что иного выхода не видел.

— Ладно. Только под моим контролем. Поняла?

— Поняла.

Я подошла к тележке, нашла набор обычных хирургических инструментов в стерильной упаковке — в этой клинике они, видимо, пылились на крайний случай. Вскрыла упаковку. Руки не дрожали. Это было знакомо. Это была моя стихия.

Отец быстро навел пациенту обезболивающее заклинание, его ладонь над раной вспыхнула мягким золотым светом. Мышцы ноги расслабились.

— Всё, он ничего не почувствует. Делай.

Я взяла скальпель, сделала аккуратный разрез выше раны, чтобы получить доступ. Пальцами, защищёнными перчатками, нашла край обломка. Он был холодным и мерзко вибрировал. Я обвела его, стараясь не задеть главный сосудисто-нервный пучок, который прекрасно представляла в уме. Каждый мускул был напряжён, но разум был кристально чист.

— Ты... ты точно знаешь, где что находится? — тихо ска-

зал отец, наблюдая за моими движениями.

— Да, — просто ответила я. — Анатомия Грея. Помнишь, ты дарил мне эту книгу в детстве? Говорил, что это основа основ.

Он смотрел на меня, будто впервые видел. Потом медленно кивнул. Тот подарок был последней попыткой увлечь дочь его миром, и Вика тогда лишь презрительно фыркнула.

Через несколько минут обломок был свободен. Я взяла его обычными хирургическими щипцами и извлекла. Он выскользнул из раны с противным чавкающим звуком. Фиолетовая аура вокруг него тут же погасла — без контакта с живой тканью заряд рассеялся.

— Готово, — выдохнула я и отложила щипцы в сторону.

В этот момент Глеб застонал и приоткрыл глаза. Его взгляд, мутный от боли и магического забытья, блуждал по потолку, а затем наткнулся на меня. Он увидел меня, и в его взгляде промелькнуло ошеломленное узнавание, смешанное с ужасом. Его губы, запачканные копотью, дрогнули, словно он пытался что-то сказать, но не смог — новый спазм боли скрутил его, и он застонал, отвернувшись, прежде чем потерять сознание вновь.

Он узнал меня. И его реакция была такой, будто увидел он не Викторию Воронову, жену своего друга, а привидение.

— Теперь рану нужно обработать от остатков некроза и закрыть, — сказал отец, уже возвращаясь в привычную колею, не заметив этого мимолетного контакта взглядов. Он

приложил ладони к краям разреза. Под ними мягко засветилась плоть, края раны стали медленно стягиваться. Но процесс шёл туго — магическая «грязь» мешала чистой регенерации. — Слишком много посторонней энергии. Придётся делать в несколько этапов.

— Можно навести заклинание стерильности и наложить швы, — предложила я. — Пока его собственная мана не восстановится и не справится с остатками. А швы потом снимем.

Отец посмотрел на рану, на меня.

— Ты права. Это будет безопаснее. Делай.

Я быстро и аккуратно наложила швы. Отец молча наблюдал, лишь изредка кивая. Когда я завязала последний узел, он положил поверх ладонь и провёл ею вдоль шва. Свечение было уже не таким ярким, но более целенаправленным, он не пытался заживить, а лишь дезинфицировал и ускорял локальный метаболизм.

— Всё. Отправляем его в палату. Завтра посмотрим, — сказал он, выпрямляясь. Он был бледен от напряжения, но в его глазах горела не усталость, а азарт. Он посмотрел на меня. — Анатомия Грея, говоришь?

Я убрала инструменты и сняла перчатки.

— Да. Хорошая теория иногда лучше, чем практика.

Он не стал расспрашивать дальше. В коридоре его уже звали к следующему пациенту. Но прежде чем выйти из бокса, он положил руку мне на плечо.

— Мы с тобой серьёзно поговорим позже, Вика.

— Хорошо, — согласилась я.

Он кивнул и вышел в коридор, уже отдавая команды медсёстрам.

Я на мгновение задержалась в боксе, глядя на свои руки, а потом на бледное лицо Глеба на каталке. В этом мире, полном магии, я, кажется, тоже могла делать кое-что полезное. И я только что спасла жизнь и ногу человеку, который, согласно сценарию, был монстром. Но его реакция нам меня... это была реакция человека, увидевшего нечто невозможное. Что он мог знать? Что он мог подозревать?

И я последовала за отцом — в гул, крики и свет магических вспышек, туда, где я была на своём месте, оставляя позади пока ещё не убийцу, а просто тяжелораненого коллегу.

Глава 8. Гиппократ

Мы вернулись в особняк под утро, когда небо уже светлело. Отец за рулем молчал почти всю дорогу. Я сидела рядом, прислонившись к холодному стеклу, и чувствовала, как каждый мускул ноет от непривычного напряжения.

Прошедшие часы слились в одно сплошное месиво из боли, крови, магических вспышек и монотонного, механического труда. Я ассистировала отцу и другим лекарям, делала перевязки, накладывала швы там, где магия была неэффективна или слишком рискованна, выполняла роль живого инструмента — подавала, удерживала, резала по команде.

Когда последнего тяжелого стабилизировали и отправили в реанимацию, отец, сгорбившись, опустился на стул в ординаторской. Его руки слегка дрожали — следствие магического напряжения. Он просто сидел, уставившись в стену, а я молча поставила перед ним очередной стакан крепкого, почти черного кофе из автомата. Еду и напитки, что привезла я, мы уже закончили в один из перерывов.

— Ты поедешь домой? — спросил Николай хрипло.

— Да. Тебе тоже нужно отдохнуть.

Он промолчал, делая медленный глоток. Потом сказал, глядя в чашку:

— Сегодня... ты была очень полезна. Спасибо.

По дороге в машину он шел впереди, его плечи были на-

пращены. Я чувствовала, как он разрывается между подозрительностью и чем-то, очень похожим на восхищение. Тем, что было так несовместимо с образом его легкомысленной дочери.

В машине, уже в дороге, он тихо сказал:

— Я вспоминаю сейчас кое-что. Когда мы с твоей матерью поссорились и я жил тут, на съёмной квартире рядом с больницей, ты приезжала ко мне на две недели. Мы каждый вечер гуляли и у нас появился секрет. Помнишь, какой?

Вопрос повис в темноте салона. Он смотрел на дорогу, но все его внимание было приковано ко мне. Я закрыла глаза, быстро просеивая хаотичные, яркие, как открытки, воспоминания детства Виктории. Память Виктории выдала нужный кадр: задний двор старого корпуса, полуразвалившийся сарай, и пара жёлтых, преданных глаз в темноте.

— Собака, — так же тихо ответила я, открывая глаза. — Бездомный рыжий пёс с одним ухом, который жил в развалюхе у старого морга. Мы его всё лето кормили тайком, чтобы вахтерша нас не поругала.

Лицо отца не дрогнуло, но напряжение в его пальцах, сжимавших край руля, немного ослабло.

— И как мы его называли? — спросил он, не отрывая взгляда. — Между собой.

— Мы называли его Сократом. Ты говорил, что у него философская натура.

Отец резко, почти судорожно выдохнул. Его пальцы раз-

жались на руле. Он не сказал больше ни слова, но какое-то невидимое напряжение между нами растворилось. Он получил правильный ответ на вопрос, который могла знать только его дочь.

У особняка Николай остановился, повернулся ко мне. Его лицо в свете уличного фонаря выглядело очень усталым.

— Завтра вечером, — сказал он мягко. — Если у тебя нет других планов, приходи домой. Поужинаем и нормально поговорим.

— Хорошо, — кивнула я. — Приду.

Я втащила свое изможденное тело в дом, прошла мимо безмолвного великолепия холла, поднялась в свои апартаменты и рухнула на кровать, даже не снимая одежды. Сон накрыл меня черной, бездонной волной.

А потом было утро. Я заставила себя подняться, размяла онемевшую шею, умылась ледяной водой, пытаюсь смыть остатки тяжелых снов и липкую усталость.

Мой техномагический коммуникатор, лежавший на туалетном столике, тихо завибрировал, издав мягкий переливчатый звук. Я взяла трубку. На кристаллическом экране всплыло имя: «Сашенька».

Сообщение было кратким, лишенным даже намека на теплоту:

«Виктория. Тебе следует сегодня появиться в «Гиппократе». Хотя бы для вида. Твое продолжительное отсутствие начинает вызывать вопросы».

Я набрала ответ, стараясь имитировать тот капризный, слегка обиженный тон, которым обычно писала ему оригинальная Виктория.

«Хорошо, Сашенька. Появлюсь. Но ненадолго! У меня голова раскалывается после вчерашнего». Добавила смайлик с высунутым языком — такая глупая, легкомысленная деталь была ей вполне свойственна.

Ответа не последовало. Он прочитал и забыл. Как всегда.

Я села на кровати, обхватив колени. Сегодняшний день в календаре романа был отмечен красным. Сегодня должно было произойти первое столкновение героини Кристины с Александром и Викторией.

В холдинг «Воронов-Медикал» сегодня устраивалась на стажировку Кристина Соколова. Скромная, добрая, бедная и невероятно трудолюбивая. Обладательница редчайшего дара «чистого видения», позволяющего с одного взгляда видеть суть людей и их болезни.

Александр впервые заметил её, когда она, не зная его в лицо, сделала ему замечание о вреде для здоровья хронической усталости. Это должно было задеть и заинтриговать его.

А оригинальная Виктория из романа, как я хорошо помнила, в этот день должна была случайно увидеть, как Кристина на испытаниях с одного взгляда ставит диагнозы сложным пациентам. И страшно, до бешенства, обзавидоваться. Эта беспочвенная, иррациональная зависть к чужому таланту станет первой искрой, которая в итоге разожжет пожар ее

безумия.

Пока одевалась — выбрала строгий, но не кричаще дорогой костюм тёмно-синего цвета, — в голове прокручивались сухие строки из должностной инструкции заведующего отделением, которую я нашла среди документов.

Обязанностей было множество: организация обследования и лечения, расстановка кадров, повышение их квалификации, контроль за использованием оборудования, внедрение новых методов, взаимодействие с клиникой, ответственность за качество работы, летальность, правильность экспертизы нетрудоспособности, хранение сильнодействующих препаратов.

Права варьировались от участия в подборе кадров до представления к поощрениям или взысканиям, решения вопросов приёма и выписки, организации консилиумов и клинических разборов.

Обязательства — проводить ежедневные обходы, помогать ординаторам, анализировать показатели, немедленно являться в отделение по вызову.

Я застёгивала пряжку на туфле и мысленно усмехнулась. Виктория Захарова-Воронова не выполняла из этого списка ровным счётом ничего. Всё это делал за неё заместитель.

Интересно, что это за человек? В романе о нём не было ни строчки. В воспоминаниях Виктории он был чем-то незначительным, расплывчатым.

Клиника «Гиппократ» поражала стерильным великолепием. Огромный атриум с белым мрамором пола и стен, по которым струились живые, переливающиеся узоры — скорее всего, магические фильтры, очищающие воздух. Тишина, нарушаемая лишь мягкими шагами персонала в белоснежных униформах, больше похожих на дизайнерскую одежду. Запах — не больничный, а дорогого спа-салона, с нотками лаванды и озоном после лёгких очистительных заклинаний.

Меня узнали мгновенно. Администратор у стойки, девушка с идеальной улыбкой, едва заметно замерла, затем кивнула с почтительным, но отстранённым выражением.

— Добрый день, госпожа Воронова. Рады вас видеть.

Я прошла по знакомому, согласно памяти Виктории, маршруту. Лифт с зеркальными стенами, бесшумно поднявший меня на пятый этаж. Широкий коридор с дверями в палаты «люкс».

В конце коридора — двойные двери с табличкой «Заведующая отделением. В.А. Воронова». Я не стала входить в «свой» кабинет, он был просто ещё одной декорацией. Вместо этого я повернула направо, к скромной двери с именной табличкой «П.С. Волков. Заместитель заведующего отделением».

Постучала и вошла без ожидания ответа.

Кабинет был небольшим, заваленным папками, стопками бумаг с вплетёнными кристаллическими нитями и странными, похожими на анатомические, моделями из матового

стекла. За столом, почти полностью скрытый грудой документов, сидел молодой человек лет двадцати восьми. У него были взъерошенные тёмные волосы, очки в тонкой металлической оправе, съехавшие на кончик носа. На нём был белый халат, но надетый поверх яркой футболки с изображением какого-то фантастического существа.

Увидев меня, он резко поднялся, задел коленом стол, отчего папка с бумагами съехала на пол с мягким шлепком.

— Госпожа Воронова! — выпалил он, пытаясь одновременно поправить очки, отсалютовать и поднять папку. — Вы... вы к нам! То есть, к себе! Неожиданно! Всё в порядке?

— Всё в порядке, Пётр Сергеевич, — сказала я, с трудом подавляя улыбку. — Просто решила нанести визит. Как дела в отделении?

— Дела? Да... да вроде ничего, — он наконец водрузил папку на стол и облегчённо выдохнул. — Стабильно. Три плановые госпитализации на этой неделе, одна экстренная вчера — маг-энергетик с передозировкой стимуляторов, но его уже стабилизировали. Бумажки, — он махнул рукой на стопки, — бумажки, как всегда, множатся сами по себе. Хотели бы вы провести обход? Или ознакомиться с отчётами?

Он явно ожидал, что я, как обычно, брезгливо поморщусь и удалюсь, оставив его разгребать этот бумажный айсберг.

— Отчёты потом, — ответила я. — А вот по отделению пройтись — хорошая идея. И, Пётр Сергеевич, — я сделала небольшую паузу, — я хочу поблагодарить вас. За то, что

всё здесь держится на вас. Я, к сожалению, была... сильно занята другими делами.

Он уставился на меня, и его очки окончательно съехали на кончик носа. Он снял их, протёр несуществующую пыль и снова надел, будто проверяя, не галлюцинация ли перед ним.

— Да что вы... это же моя работа, — пробормотал он, краснея. — Я просто делаю, что могу.

— И делаете хорошо, как я понимаю, — кивнула я. — Пойдёмте?

Глава 9. Знакомство

Обход был коротким и формальным. Я видела роскошные палаты, больше похожие на номера пятизвёздочного отеля, уставленные диагностической и лечебной аппаратурой последнего поколения. Пациентов было мало — пожилой маг-телепат с мигренью, молодая женщина из знатной семьи с последствиями неудачного омолаживающего ритуала.

Персонал приветствовал меня с той отстранённой почти-тельностью, которую в этом мире оказывали не столько заведующей отделением, сколько жене владельца холдинга. Их мантии — зелёные терапевтов и белые диагностов — говорили о среднем, практикующем звене. Ни одного магистра в золотой окантовке, ни красной мантии хирурга-манипулятора высшего класса. Я чувствовала их взгляды у себя за спиной: любопытство, лёгкое пренебрежение, усталое безразличие. Я здесь была чужой, ненужной фигурой, женой хозяйки, получившей должность по протекции. И это меня устраивало.

Возвращаясь к кабинету Волкова, я спросила, как бы между прочим:

— Кстати, сегодня к нам приходит новая стажёрка, ведь так? В диагностический отдел?

Пётр Сергеевич оживился.

— А, да, точно! Соколова Кристина. Очень перспектив-

ная, судя по рекомендациям из академии. Скромная девушка, но дар — уникальный, чистое видение, сила предположительно 7-8. Её взяли по специальной программе поддержки талантливых студентов из небогатых семей. Сегодня её первый день, она должна быть на вводном инструктаже у Марьи Игнатьевны.

Чистое видение. Слова звучали так же глупо и пафосно, как и в романе. Но за ними стояла реальная способность, которая в этом мире ценилась на вес золота. Дар подобного рода, позволявший видеть энергетическую суть болезни и человека, не был такой уж невиданной редкостью. Его выявляли специальными кристаллами ещё в детстве, определяя силу от одного до десяти. Обладателей дара силой выше шести разбирали, как горячие пирожки, частные академии и элитные клиники. Их готовили стать лекарями высшей категории, поднимаясь до уровня магистров-диагностов, тех, кто мог предсказывать развитие болезни и видеть нарушения на уровне потоков маны. Кристина явно прошла мимо этого отбора — слишком бедна, слишком провинциальна. Её талант дремал, пока какой-то проницательный педагог в училище не заметил его и не втиснул в программу для социальных аутсайдеров. Теперь она была здесь, в «Гиппократе», на самой низшей ступени — стажёром, подлекарем без права самостоятельной практики.

— Понятно, — сказала я нейтрально. — Желаю ей успехов.

Мы вернулись в кабинет, и, не успела я даже взяться за отчеты, как дверь снова открылась. В проёме стояла та самая Марья Игнатьевна, пожилая, суровая лекарша в белой мантии диагноста, без золотой окантовки — значит, не магистр, но, судя по манере держаться, лекарь с большим стажем и амбициями. А рядом с ней шла девушка.

Она была именно такой, как описывалось: невысокая, хрупкая, в скромном, слегка поношенном платье и простых туфлях. Тёмные волосы, заплетённые в нехитрую косу, чистые, большие глаза серо-голубого оттенка. В её позе читалась неуверенность, но не робость. На ней не было мантии, лишь простой хлопковый халат, выдававший её статус ученицы, не имеющей даже медной пластины подлекаря.

— Пётр Сергеевич, извините, что без стука, — сказала Марья Игнатьевна. — Нужна ваша печать на допуск Соколовой к работе. А, — она заметила меня, и её лицо на мгновение исказилось гримасой плохо скрытого презрения, — госпожа Воронова. Не знала, что вы здесь.

— Я пришла поработать, — ответила я, не обращая внимания на её тон. Мой взгляд скользнул по Кристине. Она смотрела на меня с интересом, и мне стало любопытно, а что она видит в моей душе?

— Проходите, — сказал Волков, принимая у Марьи Игнатьевны документ. Пока он его просматривал, в коридоре раздались быстрые, чёткие шаги.

И мимо прошел Александр.

Он шёл, не глядя по сторонам, уткнувшись в экран портативного коммуникатора, его лицо было напряжённо и сосредоточенно. Он был в своём обычном «рабочем» образе: идеально сидящий тёмный костюм, безупречная холодная красота, аура непререкаемой власти. Он направлялся, судя по всему, в свой личный кабинет на этаже выше.

Он прошёл мимо открытой двери, даже не повернув головы. И тут Кристина Соколова, стоявшая в дверях, сделала шаг вперёд.

— Извините, — тихо, но очень чётко сказала она.

Александр остановился, как вкопанный. Медленно, очень медленно он оторвал взгляд от экрана и повернул голову. Его брови чуть приподнялись. Он явно не ожидал, что его остановят здесь, в коридоре его собственной клиники, и не лекарь высшего ранга в белой или зелёной мантии, а какая-то девушка в дешёвом платье и ученическом халате.

— Вы обращаетесь ко мне? — спросил он.

— Да, — кивнула Кристина. Она не смотрела ему в глаза, а смотрела куда-то в область его виска, словно читала невидимый текст. — Вы, кажется, очень устали. У вас явный дисбаланс энергетических потоков и признаки начинающегося спазма сосудов головного мозга из-за хронического недосыпа и перегрузок. Вам стоит... стоит сделать перерыв. Хотя бы на пятнадцать минут. И выпить воды, а не кофе.

В кабинете Волкова воцарилась мёртвая тишина. Марья Игнатьевна замерла с открытым ртом. Пётр Сергеевич уро-

нил ручку. Я просто стояла и наблюдала. Всё шло по плану.

Александр смотрел на Кристину. Сначала с недоумением, затем с нарастающим раздражением. Его щёки чуть окрасились румянцем — его задела не только наглость замечания со стороны безродной стажёрки, но и его пугающая точность.

— Вы кто? — спросил он отрывисто.

— Кристина Соколова, стажёр-диагност, — ответила она.

Александр молчал секунду, две. Его взгляд скользнул по её лицу, по скромной одежде, потом перешёл на меня, стоявшую в глубине кабинета. Наши глаза встретились. В его взгляде я прочла вспышку чего-то сложного: досаду, что я стала свидетелем этой сцены, и первое, ещё неосознанное любопытство к девушке, которая осмелилась его поучать, не зная в лицо.

— Благодарю за заботу, — сказал он наконец, и его голос снова стал гладким, непроницаемым. — Займитесь лучше своими обязанностями, Кристина.

Он кивнул Марье Игнатьевне, бросил последний, оценивающий взгляд на Кристину и, не сказав больше ни слова, развернулся и ушёл быстрым шагом в сторону своего кабинета.

Дверь закрылась. В кабинете Волкова всё ещё стояла тишина. Кристина опустила голову, словно осознав всю дерзость своего поступка. Марья Игнатьевна испуганно зашептала что-то Петру Сергеевичу. Он же смотрел на Кристину

с откровенным восхищением.

Первая встреча состоялась. Теперь нужно было ждать, пока этот дурацкий водоворот событий закрутится достаточно сильно, чтобы я могла вынырнуть из него на свободу с полными руками козырей.

— Марья Игнатьевна, — окликнула я. — Вы же сейчас направляетесь в манипуляционную для тестирования Соколовой? Мне как заведующей отделением следует присутствовать. Если, конечно, вы не против.

Она остановилась, на ее лице промелькнуло явное раздражение, быстро смененное привычной маской служебной почтительности.

— Конечно, госпожа Воронова.

Мы прошли по широкому коридору в противоположный конец этажа. Комната была стерильной, ярко освещённой, вся в белом: белые кафельные стены, белый линолеум, белая мебель из пластика и стали. В центре стояла кушетка, покрытая одноразовой пелёнкой. В воздухе висел слабый запах антисептика и озона. Здесь проводили сложную диагностику, мелкие магические вмешательства и простые хирургические процедуры, для которых не требовался полноценный операционный блок.

Вдоль стен тянулись стерильные шкафы с матовыми стеклянными дверцами — «биксы», внутри которых мерцали ряды инструментов. Были и обычные инструментальные тележки, и тележки с флаконами медикаментов, кристалли-

ческими шприцами и артефактами первой необходимости: усилители локальной регенерации, стабилизаторы поля. На отдельной полке лежали фокусирувочные линзы — тонкие кристаллические диски в стерильных упаковках. Это был стандартный инструмент диагноста средней категории, позволявший усиливать внутреннее зрение и буквально смотреть сквозь ткани, видя энергетическую картину органов. Без таких линз или врождённого дара высокой силы лекарь был слеп. Магистры-диагносты, ходят слухи, обходятся и без них, их собственное восприятие достаточно остро.

В манипуляционной уже находились двое: лекарь-диагност средних лет в синей мантии — цвет, указывавший на специализацию в области анестезии или тонких психических воздействий, но здесь, видимо, он выполнял роль наблюдателя-эксперта. И медсестра в простом белом халате. Они что-то тихо обсуждали, но замолчали, увидев нас.

— Доктор Семенов, — кивнула ему Марья Игнатьевна. — Приступаем к тестированию стажёра Соколовой. Госпожа Воронова пожелала присутствовать.

Семенов, худощавый мужчина с внимательными глазами, склонил голову в мою сторону, затем перевел взгляд на Кристину. Его выражение было нейтрально-профессиональным, но в глубине глаз читалась усталость человека, видевшего множество таких же «уникальных» стажёров.

— Отлично. Начнем с простого. Стажёр Соколова, подойдите, пожалуйста, к кушетке. Пациентка уже ждет.

Глава 10. Тестирование

На кушетке полусидела пожилая женщина. Она выглядела утомленной, но спокойной. Марья Игнатьевна вручила Кристине тонкую кристаллическую пластину — стандартный носитель для фиксации диагноза.

— Ознакомьтесь с историей болезни, — сухо сказала она. — Затем проведите бесконтактное сканирование и озвучьте свой диагноз. Доктор Семенов уже поставил предварительный. Мы сверим.

Кристина взяла пластину, прикоснулась к ней пальцем. На поверхности мгновенно всплыли строки светящегося текста. Она прочла, потом положила пластину на тележку. Подошла к пациентке. Не прикасаясь к ней, Кристина слегка прикрыла глаза, потом открыла их и устремила взгляд куда-то в область живота женщины. Ее лицо стало абсолютно сосредоточенным, отрешенным. Она не использовала фокусировочных линз, что сразу отметил доктор Семенов — его брови чуть приподнялись. Работать без артефактного усиления могли лишь те, чей врождённый дар был достаточно силён, от шести баллов и выше.

— В печени... есть затемнение, — тихо начала Кристина, ее голос звучал немного глухо, как будто она прислушивалась к чему-то внутри себя. — Неравномерное. Это не опухоль. Это... скопление плотной, застоявшейся энергии. Пе-

чень не справляется со своими функциями. И... — она нахмурилась, — есть проблема с желчным пузырем. Камни, небольшие, но их несколько.

Доктор Семенов медленно кивнул, его лицо выразило профессиональное одобрение. Он взял со столика пару фокусировочных линз, активировал их лёгким прикосновением и приложил к глазам. Взглянув на пациентку, он подтвердил:

— Верно. Предварительный диагноз — хронический холецистит. Камни подтверждены ультразвуковым кристаллом. Очень хорошо, стажёр Соколова.

Марья Игнатьевна что-то отметила на своем планшете, ее выражение лица смягчилось. Похвала от лекаря в синей мантии, даже не магистра, уже значила многое для карьеры стажёра.

Кристина, казалось, не столько обрадовалась похвале, сколько обрадовалась точности своего видения. Она повернулась к женщине и мягко добавила:

— Вам стоит меньше переживать, — тихо сказала она женщине. — Я вижу, у вас много невысказанной тревоги. Это тоже влияет на течение энергии.

Женщина удивленно моргнула, потом устало улыбнулась и кивнула. Семенов и Марья Игнатьевна обменялись неоднозначными взглядами. В «Гиппократе», где царили строгие протоколы и дистанция между лекарем и пациентом, подобные психологические комментарии считались непрофесси-

ональными, уделом деревенских целителей или, в лучшем случае, магистров-анестетов, имевших право «работать с душой».

Я взяла одну из запасных фокусируемых линз, активировала её лёгким прикосновением и поднесла к глазам. Мир окрасился в переливающиеся оттенки синего и зелёного. Я увидела то же, что описала Кристина: сгусток тёмно-изумрудной энергии в области печени и мелкие кристаллические включения в жёлчном пузыре. Она была права.

Кристина явно была на подъёме. Скромность постепенно уступала место уверенности, которую давало точное знание и признание старшего коллеги. Следующие несколько диагнозов она ставила быстро и безошибочно: начинающаяся пневмония у ребенка (она даже указала на конкретный сегмент легкого), диабет на самой ранней стадии у женщины средних лет, скрытый перелом одного из позвонков после падения, который не заметили при первичном осмотре.

Восхищение в глазах Семенова становилось все очевиднее. Даже Марья Игнатьевна перестала хмуриться и время от времени кивала. Я же наблюдала, отмечая про себя одну важную деталь. Кристина действительно видела суть — энергетическую картину болезни, магические блоки, инородные включения. Но когда дело касалось чистой, «немагической» физиологии, ее описания становились расплывчатыми, она искала аналогии в энергетических терминах, путалась в анатомических деталях. Её обучение в провинциальном учили-

ще явно делало упор на магическую диагностику в ущерб фундаментальной, «варварской», как её здесь иногда называли, медицине.

Но я замечала и другое. Она не ограничивалась диагнозом. Каждому пациенту она пыталась что-то сказать, утешить, ободрить. С женщиной, у которой обнаружили начинающийся диабет, она говорила о том, что это не приговор, а просто новый образ жизни. С мужчиной со скрытым переломом позвонка — о том, как важно сейчас дать телу отдых, и что боль скоро отступит. Она словно не могла отключить ту часть дара, которая видела не только болезнь, но и её эмоциональный отпечаток на человеке.

Большинство пациентов принимали это с благодарностью или простым кивком. Но не все.

Следующим был мужчина лет сорока с перебинтованной рукой. История болезни гласила: «Закрытый перелом лучевой кости. Наложена иммобилизующая повязка с базовым регенерационным полем. Жалуеться на онемение пальцев».

Кристина повторила процедуру. Её взгляд скользнул по повязке, и она снова слегка нахмурилась.

— Перелом срастается правильно, поле работает. Но... есть проблема с нервом. Иммобилизация слишком тугая здесь, — она показала на запястье. — И еще... — она заколебалась. — В крови есть следы чужеродного вещества. Не лекарственного. Что-то... возбуждающее нервную систему. Это может замедлять восстановление.

Лекарь Семенов обменялся взглядом с Марьей Игнатьев-
ной. Он снова примерил линзы, проверил область запястья.

— Нервное ущемление мы предполагали, планировали сменить повязку. А насчет вещества... Пациент, вы принимали что-то помимо назначенных препаратов?

Мужчина смущенно покраснел и пробормотал что-то о «травяном тонизирующем чае от друга». Семенов вздохнул и сделал пометку. Кристина же, глядя на пациента, снова заговорила тем же мягким, проникновенным тоном, опять забыв о субординации и протоколе:

— Вы злитесь. Попробуйте... отпустить это. Хотя бы на время лечения.

Мужчина нахмурился, его лицо стало закрытым, почти враждебным. Он был не из тех, кто привык, чтобы лекари, да ещё в ученических халатах, лезли в его душу.

— Какое вам дело до моих чувств? — отрезал он грубо. — Ваше дело — руку смотреть. Остальное не ваше собачье дело.

Кристина отпрянула, словно от удара. Ее щеки залились румянцем смущения. Она молча опустила голову и отошла в сторону. Марья Игнатьевна фыркнула, явно считая, что стажерка сама нарвалась на неприятности. Я наблюдала за этим, и во мне копошилось странное чувство. Она пыталась помочь, искренне, по-детски прямо, используя весь спектр своего дара. И получала за это пощечину от того, кто, возмож-

но, в этом нуждался больше всего. Я подошла к ней, пока Семенов давал указания медсестре по смене повязки.

— Не принимайте близко к сердцу, — тихо сказала я. — Вы сказали правду. Но не всегда правда нужна людям. Особенно от незнакомца.

Кристина подняла на меня глаза. В них стояли непролитые слезы и жадный интерес.

— Но... но если я это вижу, разве не должна я помочь? Разве не в этом суть дара?

— Должна ли? — переспросила я. — Это сложный вопрос, на который нет единого ответа даже у магистров. Иногда ваше знание — это груз, который вы невольно взваливаете на другого. Научитесь сначала спрашивать, нужна ли человеку такая помощь.

Она задумалась, кивая, впитывая мои слова.

И вот на кушетку при помощи медсестры уложили девочку лет десяти. Она была бледной, дышала часто и поверхностно. История болезни: «Слабость, головокружение, тахикардия в течение трех дней. Стандартное сканирование патологий не выявило. Подозрение на астенический синдром после перенесенной вирусной инфекции».

Кристина подошла, провела своим «взглядом». Ее брови сдвинулись.

— Энергетическое поле очень ослаблено, — сказала она. — Есть истощение. Но я вижу... странные маленькие затемнения. В селезенке и в костном мозге. Как будто что-то по-

жирает ресурсы. Возможно, вялотекущий магический паразит?

Доктор Семенов задумался, прикладывая линзы.

— Магический паразит маловероятен, у нее не было контактов.

Я смотрела на девочку, на ее бледную кожу, чуть влажную на лбу, на характерное, чуть приоткрытое положение губ для облегчения дыхания. В памяти всплывали десятки подобных случаев из моего прошлого опыта. И термины Кристины — «затемнения», «пожирание ресурсов» — сложились в знакомую, совсем не магическую картину. Её дар, заточенный под энергетические аномалии, не распознавал простую физиологическую недостаточность.

Я сделала шаг вперед. Все взгляды мгновенно переключились на меня. Марья Игнатьевна смотрела с немым вопросом, Семенов — с профессиональным интересом.

— Позвольте уточнить, — сказала я спокойно, обращаясь к Кристине. — Вы говорите, ресурсы пожираются. Это похоже на какой-то процесс внутри этих органов? На активность, а не на разрушение?

Кристина кивнула, немного смущенная моим вмешательством.

— Да. Как будто там идет постоянная, усиленная работа, но не на созидание, а на... попытку создать что-то из ничего.

— Спасибо, — кивнула я и повернулась к Семенову. — То, что стажёр Соколова описывает как «усиленную рабо-

ту» и «пожирание ресурсов», очень точно соответствует картине компенсаторного усиления гемопоэза — кроветворения. А бледность, слабость, тахикардия при отсутствии явной кровопотери или магического истощения... У девочки, скорее всего, банальная железодефицитная анемия. Довольно тяжелая, судя по симптомам. Возможно, на фоне плохого питания или скрытых хронических кровопотерь. Селезенка и костный мозг работают на износ, пытаются восполнить дефицит эритроцитов, отсюда и ощущение «пожирания ресурсов», которое видит стажёр.

В манипуляционной воцарилась тишина. Кристина смотрела на меня широко раскрытыми глазами, ее уверенность сменилась растерянностью и жадным любопытством. Доктор Семенов задумался, затем медленно кивнул. Моё объяснение лежало вне его основной специализации, но оно было логичным.

— Это... действительно возможно, — согласился он. — Мы сразу и не подумали в эту сторону, привыкли к более сложным случаям. Медсестра, подготовьте девочку к забору крови на общий анализ и ферритин. И направьте её на УЗИ.

Марья Игнатьевна смотрела на меня, и на ее лице было написано чистое, неподдельное изумление.

Следующий пациент был мужчиной с жалобами на сильные головные боли и мелькание «мушек» перед глазами. Кристина, еще не оправившись от предыдущего, сосредоточилась.

— Давление в черепной коробке повышено, — выдала она. — Сосуды... спазмированы. Есть участок со странным, вялым током энергии в затылочной области. Возможно, вследствие старой травмы или начинающееся нарушение мозгового кровообращения. Нужно проверить на предмет микроинсульта.

— Артериальное давление измеряли? — спросила я у медсестры, уже зная ответ.

— Сто пятьдесят на девяносто, госпожа Воронова, — та ответила.

— А глазное дно смотрели? Состояние сосудов сетчатки? Медсестра отрицательно покачала головой.

— Спазм сосудов и повышение внутричерепного давления при такой гипертензии — вещь ожидаемая, — заметила я. — А «вялый ток» в затылочной области... — я обратилась к пациенту: — У вас бывают проблемы со зрением? Трудно фокусироваться вблизи? Читать мелкий шрифт?

Мужчина удивленно кивнул:

— Да, в последнее время газета расплывается, глаза быстро устают.

— Это может быть сочетание возрастной дальнозоркости и спазма аккомодации, — сказала я Семенову. — Напряжение глазных мышц при попытке сфокусироваться может усугублять головную боль и давать ощущение тяжести, «вялости» в затылке, которое стажёр воспринимает как энергетический блок. Рекомендую, прежде чем искать следы ма-

гического микроинсульта, измерить внутриглазное давление и провести осмотр у офтальмолога. И, конечно, подобрать адекватную гипотензивную терапию. Возможно, всё, что нужно, — это очки и таблетки от давления.

Доктор Семенов смотрел на меня теперь с откровенным, нескрываемым интересом. Кристина же слушала, затаив дыхание, ее взгляд перебегал с меня на пациента и обратно.

Тестирование подошло к концу. Общая оценка Кристины, без сомнения, была высшей. Ее дар был потрясающе точен в своей, магической, сфере. Но я показала и ей, и наблюдающим, что одного дара, даже сильного, недостаточно без фундаментальных знаний и умения мыслить критически.

Марья Игнатьевна, собираясь уходить, задержалась на секунду. Она смотрела на меня уже без прежнего откровенного пренебрежения.

— Ваши замечания были... весьма конструктивны, госпожа Воронова, — произнесла она с некоторым усилием, как человек, вынужденный признать заслугу там, где не ожидал её найти.

— Просто немного теории из курса общей медицины, Марья Игнатьевна, — отмахнулась я с лёгкой, ничего не значащей улыбкой. — Иногда полезно вспомнить азы.

Глава 11. Немного о фетишах

Я провела пальцем по очередному столбцу цифр, и в голове сложился итог, не совпадающий с тем, что значился в нижней клетке таблицы. Ошибка была очевидной, простая арифметическая оплошность, но из-за нее весь квартальный отчет по закупкам расходных артефактов для нашего отделения не сходился.

Петр сидел напротив, погрузив лицо в ладони, и его взъерошенные волосы торчали между пальцами, делая его похожим на испуганного ежа.

— Здесь не сходится, — сказала я, постучав ногтем по бумаге. — Сумма по третьей категории кристаллов должна быть не три тысячи восемьсот, а четыре тысячи двести. Кто-то при сложении пропустил четыреста. И отсюда пошла цепная реакция по всему расчету.

Он медленно поднял голову. Его глаза за линзами очков были красными от усталости и беспомощности.

— Что? — он потянулся за листом, его движения были вялыми. — Где?

Я провела пальцем по столбцам. Пока он всматривался, я уже просчитывала следующий раздел — отчет по использованию фокусирувочных линз. Там была не ошибка, а сознательное искажение: списание вдвое большего количества, чем было выдано по журналу манипуляционной. Я отметила

это про себя карандашом на полях, легким, едва заметным крестиком. Сейчас не время было поднимать шум о возможных хищениях. Сначала нужно было вытащить Петра из этого бумажного болота, в которое он, судя по всему, погрузился с головой еще давно.

— Вы правы, — пробормотал он, снова потирая переносицу. — Черт. И это значит, нужно пересчитывать все последующие графы. А там еще сводная по отделению, и согласование с бухгалтерией, и отчет для Александра Михайловича... Он ждет это к концу дня.

В его голосе звучали отзвуки паники. Я отодвинула от себя стопку уже проверенных мною бумаг и потянулась к следующей папке.

— Давайте разделим остаток. Вы берете сводную и пересчет итогов по закупкам. Я пройдусь по журналам использования лечебных артефактов и сведу расход с остатками на складе. Это систематическая работа, она не требует творческого подхода, только внимания. Я справлюсь.

Петр уставился на меня. Его рот был слегка приоткрыт, а в глазах застыло немое изумление.

— Вы... вы хотите помочь? — он произнес это так, будто я предложила в одиночку перенести гору.

— У нас горят сроки, — я уже открывала следующую папку, мои пальцы привычно листали прошитые листы. — Кроме того, я все-таки формально числюсь заведующей этим отделением.

— Но... вы никогда... — он запнулся, покраснел и потянулся к своей чашке с остывшим чаем, чтобы скрыть смущение. — Я просто не ожидал. Это очень любезно с вашей стороны.

— Не за что, — ответила я, уже погружаясь в колонки цифр.

Я делала пометки на полях, сверяла номера накладных с записями в журналах, находила еще несколько мелких несоответствий и аккуратно их исправляла. Я задавала вопросы, уточняла непонятные мне местные аббревиатуры, сверяла цифры из разных ведомостей. Петр сначала отвечал с опаской, потом, видя, что я действительно вникаю и быстро схватываю суть, стал объяснять подробнее, даже оживился.

Тут дверь в кабинет открылась без стука. В проеме стоял Александр. Он уже снял пиджак, остался в белой рубашке с расстегнутым воротником. Его взгляд, скользя по Петру, остановился на мне. На его обычно бесстрастном лице появилось выражение, которое я могла бы назвать замешательством. Он явно не ожидал увидеть меня здесь, в кабинете моего зама, и уж тем более за таким занятием.

Его взгляд скользнул с меня на Петра, который вскочил, как будто его застали за чем-то предосудительным.

— Господин Воронов! Я... мы как раз заканчиваем с отчетами, — залепетал Петр.

— Я вижу, — произнес Александр. Его голос был ровным, без эмоций. Он вошел в кабинет, и пространство сра-

зу словно сжалось, наполнилось напряжением. — Виктория. Неожиданно встретить тебя здесь.

Я отложила ручку и подняла на него взгляд, не вставая.

— Я помогаю Петру разобраться с бумажной волокитой. Оказывается, в моем отсутствии здесь накопилось немало интересного, — я позволила себе легкую, почти кокетливую улыбку, такую, какую часто использовала прежняя Виктория, когда хотела что-то выпросить или показаться милой. — Решила, что пора проявить рвение. Чтобы ты, наконец, увидел, какая у тебя трудолюбивая жена.

Александр слегка сморщился, как от неприятного запаха. Эта маска «старательной жены» была ему отлично знакома и всегда вызывала у него лишь раздражение. Он не ответил на улыбку.

— Рвение похвально, — сказал он сухо, обращаясь уже к Петру. — Волков, отчет будет готов к семнадцати часам?

— Да, господин Воронов! Без сомнений! Госпожа Воронова... невероятно помогла, — Петр кивал с такой энергией, что очки едва не слетели с его носа.

Александр кивнул, его взгляд снова задержался на мне.

— Хорошо. И пока я здесь, Петр Сергеевич, как прошло сегодня тестирование новой стажерки? Марья Игнатьевна докладывала мне в общих чертах, но я хочу услышать ваше мнение.

Петр сразу оживился.

— Кристина Соколова? Потрясающе, господин Воронов!

Ее дар чистого видения... он действительно на уровне, близком к магистру-диагносту. Она ставит диагнозы с одного взгляда, без фокусирувочных линз, видит энергетические блоки и аномалии, которые стандартное сканирование улавливает с трудом. Сегодня она точно определила несколько сложных случаев. Доктор Семенов был под большим впечатлением.

Александр слушал, его лицо оставалось невозмутимым, но я заметила, как его пальцы слегка постукивают по ручке портфеля, который он держал в руке. Он был заинтересован.

— А как насчет минусов? — спросил он.

Петр замялся, бросив на меня быстрый взгляд.

— Ну... она иногда выходит за рамки протокола. Пытается давать пациентам психологические советы, опираясь на свое видение их эмоционального состояния. Не все это воспринимают адекватно. И... — он снова посмотрел на меня, — госпожа Воронова сегодня сделала несколько очень точных замечаний, дополнивших диагнозы Соколовой. Она обратила внимание на чисто физиологические аспекты, которые дар Кристины, будучи сугубо энергетическим, не улавливал в полной мере. Например, анемию у ребенка и гипертензию с глазными симптомами у взрослого пациента.

Александр медленно перевел взгляд на меня. В этот раз недоумение в его глазах было уже откровенным.

— Правда? — произнес он, и в его тоне прозвучала легкая, едва уловимая насмешка. — Виктория проявила себя

как знаток... физиологии?

Я сделала вид, что не замечаю издевки, и снова надела маску легкомысленной жены, слегка надув губы в притворном недовольстве.

— Ну да, немного помогла. Хотя, конечно, мои скромные познания просто меркнут на фоне такого уникального дара, — сказала я с наигранной обидчивостью, разглядывая свои ногти.

Я видела, как Александр морщится. Мой тон, эта ревнивая нота, которую так часто использовала прежняя Виктория, действовала на него, как скрежет металла по стеклу. Он ненавидел эти демонстрации мелкой зависти. Они напоминали ему о том, какая пустая и неуверенная в себе женщина находится рядом с ним.

— Зависть — не самое продуктивное чувство, — отрезал он холодно. — Талант нужно признавать и использовать на благо дела, — он кивнул Петру. — Продолжайте курировать Соколову, Петр Сергеевич. Я ожидаю от нее больших результатов. И отчет к семнадцати.

Не удостоив меня больше ни взглядом, ни словом, он развернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Я выдержала небольшую паузу, давая его шагам затихнуть в коридоре, а затем медленно выдохнула и откинулась на спинку стула.

Петр смотрел на меня с удивлением. Он видел двух разных женщин: одну — за минуту до прихода Александра, со-

бранную, компетентную, другую — в его присутствии, капризную и ревнивую. Противоречие было слишком явным, чтобы его не заметить. Он ничего не сказал, но вопрос витал в воздухе.

Я почувствовала внезапный, почти озорной импульс и желание немного поколебать этот предсказуемый мир, в котором я оказалась.

— Я так веду себя, Петр Сергеевич, потому что это игра, — сказала я, и мой голос снова стал спокойным.

Петр насторожился, его глаза округлились.

— Я... я не совсем понимаю, госпожа Воронова.

Я вздохнула, изображая легкое смущение, как будто делилась большим секретом.

— Видите ли, у моего мужа есть одна странность. Своего рода... фетиш. Ему нравится, когда я ревную. Он получает от этого какое-то извращенное удовольствие, чувствует себя более значимым, что ли. Поэтому при нем я иногда вынуждена играть эту глупую, ревнивую женушку, а он, в ответ, специально уделяет внимание другим женщинам — чтобы подогреть мой «огонек».

Я произнесла это с такой искренней интонацией, что даже сама на секунду чуть не поверила в этот бред.

Петр Сергеевич покраснел, побледнел, снова покраснел. Его рот открывался и закрывался без звука, а в глазах читался шок, смешанный с диким неловким смущением от подобных интимных подробностей.

— Я... я... — забормотал он, не в силах подобрать слов.

— Простите, я, конечно, никому... я ничего не видел и не слышал!

— Это не важно, мы не особо скрываемся, — сказала я мягко. — Теперь вы понимаете, почему мое поведение может иногда казаться... противоречивым.

Он закивал с такой силой, что очки чуть не слетели с носа.

— Да-да-да! Конечно! Абсолютно! Я все понял! Полностью!

— Отлично.

Это было небольшой подлянкой в сторону Александра. Я очень надеялась, что эти слухи разойдутся по всей клинике.

Глава 12. Подозрения

Когда основная работа была закончена и отчеты, исправленные и выверенные, лежали в аккуратной стопке на столе Петра, я взглянула на часы. У меня была другая, не менее важная встреча сегодня.

Я остановилась по дороге в знаменитой кондитерской «Эклер» на Пречистенском бульваре, выбрала не большой, но изысканный «Наполеон».

Дом моих родителей, находился в старом, тихом районе Невोगрада, вдали от помпезного Элизиума и сверкающего Техноквартала. Это был солидный особняк из темно-красного кирпича, увитый плющом. Сад вокруг был ухоженным, но без вычурных магических фонтанов или светящихся аллей — в сажу росли обычные яблони, сирень, аккуратные клумбы.

Мне открыла экономка Регина, немолодая женщина, которая знала меня с детства.

— Виктория! Какой приятный сюрприз! Николай Сергеевич дома, но он в кабинете. А Евгения Аркадьевна в зимнем саду.

Я прошла через знакомый холл, где все еще висели мои детские рисунки в простых рамках рядом с дорогими, но безвкусными пейзажами, которые любила мать.

Евгения Аркадьевна Захарова сидела в кресле-качалке

посреди зимнего сада, залитого мягким послеполуденным светом. Она была окружена морем зелени и цветущих орхидей, которые стоили, вероятно, как годовой оклад ее мужа. На ней был шелковый халат нежно-розового цвета, ее волосы, тронутые сединой, были уложены в легкую, слегка старомодную прическу. Она что-то читала в глянцево-м журнале, но, услышав мои шаги, подняла глаза. Ее лицо озарилось улыбкой.

— Виктория! Дорогая! Ты не предупредила! — она отложила журнал и протянула мне щеку для поцелуя. Я покорно наклонилась, уловив облако тяжелого аромата. — Какая прелесть! И торт? От «Эклера»? Ты всегда знала, как сделать маме приятное.

— Просто заехала повидаться, — сказала я, ставя коробку на столик из резного стекла. — Соскучилась.

— Ах, как мило! — она захлопала в ладоши, как девочка, ее внимание уже переключилось на коробку. — Сейчас закажем чай. Рассказывай, что новенького? Как дела у Александра? Я видела в газете, что он был на открытии новой клиники в Заречье. Такой важный, такой красивый! А ты была с ним? Нет? Жаль. Тебе надо чаще появляться на публике, дорогая. Держать марку. А то эти сплетницы из клуба все шепчутся, что вы живете раздельно. Чушь, конечно. Правда же, чушь?

Ей были важны внешние атрибуты: положение дочери, ее наряды, светские сплетни. Она хотела обсуждать моду,

последние скандалы, покупки. Мне же нужно было просто отбыть повинность, поддержать этот пустой разговор ровно столько, сколько требовалось приличиями.

— Все хорошо, мама. Александр очень занят. Да, мы были на том открытии, просто фотографии не поймали, — я солгала легко, автоматически. — А что нового у вас? Как папа?

— Николай? — она махнула рукой, словно отгоняя надоедливую муху. — Вечно на работе. То дежурства, то какие-то консилиумы, то бумаги дома допоздна разбирает. Живет в своем кабинете, как монах в келье.

Мы поговорили минут десять. Говорила в основном она: о предстоящем благотворительном аукционе, о новой коллекции опаловых украшений у Картье, о скандальном разводе в семье Лихачевых. Я слушала, изредка вставляя нейтральные реплики. Обсуждение сплетен и моды, очевидно, было тем единственным языком, на котором она могла общаться с дочерью. Попытки свернуть разговор на что-то еще — на ее занятия садом, на здоровье отца — она мягко, но неуклонно сводила на нет, возвращаясь к светской хронике. Я не стала настаивать. Наша беседа была пустой и легкой, как воздушный шарик, и в этом не было ничьей вины, просто мы были абсолютно разными людьми, и моя нынешняя личность лишь подчеркивала эту пропасть.

Я слушала ее, поддакивая в нужных местах, думая о своем. Их брак и вправду был странным явлением. Две противоположности: он — погруженный в работу, скромный, чест-

ный лекарь; она — капризная, жаждущая внимания и роскоши светская львица. И тем не менее они держались вместе десятилетиями. Возможно, в этой связи был какой-то невидимый стержень, какая-то странная, взаимовыгодная сделка, которую они сами до конца не осознавали.

Через десять минут, исчерпав запас светских новостей и выслушав подробный разбор недостатков нарядов всех ее подруг, я с облегчением заметила, как в дверях зимнего сада показалась фигура отца. Он был в домашней одежде — простые брюки и рубашка с закатанными до локтей рукавами.

— Вика приехала, — сказала мать, как будто объявляя о редком явлении природы.

— Вижу, — отец кивнул мне. — Загляни ко мне в кабинет, когда освободишься.

— Она только приехала, Николай! — запротестовала мать. — У нас столько всего для обсуждения!

— Ненадолго, Женя, — ответил он мягко, но твердо. Мать надула губки, но смолчала.

Еще через пять минут я с чистой совестью смогла откланяться. Я пообещала матери вскоре приехать на обед с Александром (обещание, которое я, разумеется, не собиралась выполнять), и направилась в отцовский кабинет.

Комната была его святилищем. Книги везде: на полках от пола до потолка, на столах, даже на подоконниках. Не кристаллы памяти, а настоящие, бумажные фолианты по медицине, анатомии, истории целительства. Пахло старыми стра-

ницами, чернилами и деревом.

Николай стоял у небольшого столика с графином и двумя стаканами.

— Присаживайся. Устала? Чай? Или... — он запнулся, его взгляд задержался на мне. — Может, чего покрепче? У меня есть неплохой виски. Недавно подарили в больнице.

Вопрос был рассеянным, привычным, почти риторическим. Прежняя Виктория терпеть не могла крепкие напитки, предпочитая сладкие ликеры или шампанское.

— Виски. Да, пожалуйста, — ответила я, опускаясь в кожаное кресло у камина, в котором, несмотря на теплый день, тлели угли.

Николай молча налил два пальца янтарной жидкости в тяжелый хрустальный стакан, подошел, протянул его мне, затем налил себе. Он сидел напротив меня, держа свой стакан, и его карие глаза были прикованы к моему лицу.

— Ты изменилась, Вика, — произнес он наконец. — Изменилась до неузнаваемости.

Я сделала глоток виски. Тепло разлилось по груди, резкий, дымный вкус был знакомым и приятным.

— Люди меняются, папа.

— Не так. Не за несколько дней, — он отпил из своего стакана, не отрывая от меня взгляда. — Ты раньше при виде крови бледнела, а вчера ассистировала при извлечении обломка с некрозом и накладывала швы так, будто делала это всю жизнь. Ты, которая с матерью раньше только о нарядах и

сплетнях могла говорить час кряду, сегодня сбежала от этого за пять минут. И вот сейчас ты просишь не сладкого ликера, не игристого вина, а виски. И пьешь его так, будто делала это много раз.

Николай сделал паузу.

— Можно было бы подумать, что тебя подменили. Что в твоём теле теперь кто-то другой, — он произнес это без тени иронии, совершенно серьёзно. — Но ты помнишь Сократа, помнишь те летние вечера, книгу по анатомии, которую я тебе подарил, и как ты тогда назвала ее «скучной макулатурой». У тебя есть воспоминания моей дочери. Все, до мельчайших деталей. Но ты — не она.

Николай выпил остатки виски и поставил стакан на столик. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей. Он ждал.

Глава 13. Откровения

Я не ожидала, что вопрос будет поставлен так прямо. Впрочем, я уже размышляла некоторое время над таким поворотом событий. Возможность эта приходила мне в голову не раз, особенно в те ночные часы, когда ложная память Виктории смешивалась с моей собственной, создавая мучительный вихрь из двух жизней.

Прятаться дальше было бессмысленно. Он не был моим врагом. Он был единственным человеком в этом мире, чью реакцию я могла предсказать с долей уверенности, основываясь не на сюжете романа, а на его собственном характере — честном, чуждом светским предрассудкам. Риск был огромен, но альтернатива — потерять потенциального союзника и продолжать играть эту изнурительную двойную игру — казалась еще хуже.

Я сделала еще один глоток виски, давая жидкости медленно согреть горло, и поставила бокал на столик.

— Ты прав, папа. Я не совсем та Виктория, которую ты знал, — начала я. — Но я и не чужая душа в ее теле. Это сложнее. Ты слышал когда-нибудь легенду про артефакт, способный переносить души через вселенные?

Я видела, как он медленно кивает.

— Слышал. Теория множественности миров и возможность перехода между ними с помощью артефактов неверо-

ятной силы — это одна из малоизученных, но существующих областей магофизики. Большинство считает это фантастикой, но некоторые случаи... некоторые труднообъяснимые случаи списывают на подобные явления. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что со мной произошло нечто подобное, — сказала я. — Я прожила целую жизнь как Виктория Захарова-Воронова. Александр встретил другую на деловом ужине, который будет завтра. Изменил, потом публично унизил меня. Затем разорил нашу семью, обанкротил «Захаро-Медикал». Мать не выдержала позора и умерла. Ты... тебя уволили из клиники при невыясненных обстоятельствах.

А мне пришлось уехать в глухую провинцию и работать простым подлекарем в земской больнице, чтобы хоть как-то выжить.

— Там, в этой глуши, я и научилась настоящей хирургии. Старыми инструментами, без артефактовобезболивания. Резала, зашивала, вправляла кости. Потому что иного выхода не было. Потому что люди болели и умирали, а я была единственным, кто мог хоть как-то помочь.

Я замолчала, давая ему переварить сказанное. Его дыхание стало чуть слышным, прерывистым.

— А потом, — продолжила я тише, — случилось нечто. В наш захолустный городишко забрели двое. Маги. Не знаю, кто они были, за что боролись. Они сошлись в битве прямо на площади, я случайно оказалась слишком близко. Один из

них был смертельно ранен. И перед тем, как умереть, он активировал что-то — маленький медальон, который висел у него на шее.

Произошел выброс энергии, и следующее, что я помню — я проснулась здесь. В своем теле, но несколькими годами раньше. Со всей памятью о той, прожитой жизни.

Он сидел не двигаясь, выискивая во мне малейшую фальшь, следы психоза, бреда.

— Это... невозможно, — выдохнул Николай.

Я замолчала, опустив глаза на свои руки — молодые, ухоженные, не такие, как были у меня раньше.

— Поэтому я изменилась, — закончила я. — Потому что я уже всё это проходила. Я знаю, к чему ведут мои старые ошибки. Знаю, что будет с нами всеми, если я ничего не изменю. И я намерена изменить всё.

Тишина в кабинете стала абсолютной. Николай сидел, откинувшись на спинку кресла, его лицо было бледное. Он смотрел не на меня, а куда-то в пространство перед собой, переваривая услышанное. Я видела, как в его глазах мелькают отблески воспоминаний, обрывки разговоров, отдельные детали, которые теперь, наконец, складывались в чудовищную, но логичную картину.

— Это... невозможно, — прошептал он снова.

— Я могу доказать это, — сказала я спокойно. — Фактами из будущего, которые касаются тебя и семьи Захаровых. О которых я не могла знать.

Он молча кивнул, давая мне продолжить.

— Через несколько дней, — начала я, — к тебе в клинику поступит пациент. Мужчина, около пятидесяти лет, с жалобами на сильные боли в пояснице. Его будут лечить стандартными противовоспалительными закливаниями, диагноз — радикулит. Но боль не пройдет. Через месяц он вернется с температурой и кровью в моче. Только тогда кто-то догадается сделать углубленное сканирование почек. Обнаружат опухоль. Но будет уже поздно для магического лечения. Операцию будет проводить приглашенный манипулятор из «Гиппократы». Во время вмешательства произойдет непредвиденное осложнение — магический коллапс поля из-за несовместимости артефактов хирурга и анестета. Пациент умрет на столе. Это станет громким скандалом. Жена покойного обвинит во всем именно тебя, Николая Захарова, как лечащего врача, поставившего первоначальный неверный диагноз. И хотя формально вину признают за хирургической бригадой, твоя репутация будет серьезно подорвана. Начнется внутренняя проверка. Тебя отстранят от сложных случаев.

Я говорила, не отрывая взгляда от его лица. Я видела, как он замирает, как его глаза расширяются. Этот случай действительно должен был произойти. В романе о нем упоминалось вскользь, как об одном из эпизодов, подточивших авторитет отца перед тем, как грянул крах.

— Еще, — продолжала я, не давая ему опомниться. —

Твой старший брат, дядя Миша. Через два месяца у него случится инсульт. Не сильный, но он на время потеряет речь. Врачи скажут, что это следствие гипертонии и стресса из-за проблем на бирже. Но настоящая причина будет в другом. Он тайно, уже полгода, принимает нелегальный усилитель дара, чтобы сохранить контроль над семейным советом. Препарат вызовет необратимые изменения в сосудах головного мозга. После инсульта он выйдет из дела, продав свою долю в «Захаро-Медикал» анонимному покупателю. Через год станет известно, что этим покупателем была подставная фирма, связанная с холдингом Воронова.

Николай вскочил с кресла. Он прошелся по кабинету, его шаги были резкими, нервными. Он подошел к окну, отвернулся, стоя ко мне спиной. Его плечи были напряжены.

— И наконец, самое личное, — сказала я совсем тихо. — Ты хранишь в нижнем ящике своего рабочего стола в больнице маленькую шкатулку из черного дерева. В ней — серебряный медальон с портретом молодой женщины. Это та, с которой ты познакомился в академии, до встречи с мамой. Она умерла от редкой формы магической лихорадки на последнем курсе, у нее не было денег на хорошего лекаря. Ты никому никогда о ней не рассказывал. Именно из-за неё ты решил стать обычным лекарем, лечить всех, независимо от их статуса.

Он обернулся. Лицо его было искажено такой болью и та-

ким потрясением, что мне стало физически тяжело смотреть на него. В его глазах стояли слезы, которые он не позволил себе пролить.

— Зачем? — вырвалось у него хрипло. — Зачем ты всё это рассказываешь мне? Что ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты мне поверил, — ответила я просто. — Потому что мне нужен союзник.

Николай Захаров сидел, опустив голову. Плечи его слегка содрогались. Когда он поднял лицо, на щеках блестели следы влаги, которую он даже не пытался скрыть. В его глазах не было страха или отвращения. Там была боль, бесконечная, глубокая боль отца, который только что услышал исповедь о будущих страданиях своего ребенка — страданиях, которые уже произошли в каком-то ином потоке времени.

— Боже мой, Вика... — его голос сорвался на хриплый шепот. — Что они с тобой сделали? Что он с тобой сделал?

Он говорил не о магах или артефактах. Он говорил об Александре.

— Он сделал то, на что был способен, — холодно ответила я. — А я позволила ему это сделать. Потому что была глупа и слепа. Но теперь я здесь. И я не намерена повторять прежних ошибок.

Он встал, прошелся к камину, оперся рукой о мраморную полку, глядя в угасающее пламя. Его спина, обычно прямая, сейчас казалась согнутой под невидимой тяжестью.

Он обернулся ко мне. Его лицо было суровым, но решение

в его глазах уже созрело.

— Я верю тебе, — сказал Николай просто. Он сделал паузу, подбирая слова. — Что ты планируешь делать теперь?

— Сначала — вырваться из брака с Александром на максимально выгодных условиях. У меня уже есть адвокат, ведутся приготовления. Для этого мне нужно дождаться, пока он совершит одну ключевую ошибку. После этого — жить своей жизнью. Работать. Использовать то, что я умею. Возможно, здесь, в твоей клинике, если ты еще не передумал брать меня после всего услышанного.

Он резко махнул рукой, отбрасывая последние сомнения.

— Ты моя дочь. Ты пришла ко мне и сказала правду, какой бы безумной она ни была. И ты хочешь работать, помогать. После всего, что пережила... — он снова сглотнул ком в горле. — Конечно, место для тебя найдется. Я помогу тебе, чем смогу. Информацией, советом, прикрытием. А ты... — он подошел и положил руку мне на плечо. — Ты держись. Ты уже прошла через ад один раз. Не дай ему повториться. Иди сюда.

Я встала и он обнял меня. И в тот момент это было именно тем, что мне было нужно.

— Расскажи мне всё, — произнес он, отпуская меня. — С самого начала.

Глава 14. Первая часть Марлезонского балета

Вечер, когда должно было случиться основное событие, наступил точно в срок, предписанный сюжетом. Я стояла перед зеркалом в своей гардеробной, поправляя левую перчатку. Платье было как из сна — алое, тяжелое, из какой-то переливающейся ткани, которая ловила свет и отражала его тысячью мельчайших искр. Маска лежала рядом на туалетном столике. Она была бархатная, того же темно-красного оттенка, с узором из черного кружева, закрывающим верхнюю часть лица. Тщательно подобранные украшения — серьги-капли из рубинов, тонкое кольцо — дополняли образ.

Сегодня был юбилей в честь десятилетия основания холдинга, обставленный с помпой, достойной императорского двора: был приглашен почти весь персонал, ключевые инвесторы, главы других клиник, репортеры из ведущих магических изданий. И обязательный маскарад — глупая, изысканная прихоть, рожденная в недрах пиар-отдела.

Платье я вытащила из глубины гардеробной еще днем. Оно было куплено до моего появления здесь. Я подготовилась тщательно, потратив два часа у зеркала. Худенькая, изможденная Лика из прошлой жизни посмотрела бы на меня с удивлением: кожа сияла после дорогих процедур, волосы,

уложенные сложной волной, пахли редкими маслами, макияж был безупречным, подчеркивающим яркость глаз и линию скул. Да, ужин был ловушкой, шагом к цели. Но быть красивой, самой себе напоминать, что я еще жива и способна на большее, чем роль жертвы, — этого хотелось отчаянно. Мне, Лике, давно уже не перепадало ничего подобного. Работа в больнице не оставляла места для таких развлечений.

Меня преследовала одна мысль — а что, если что-то пойдет не по плану? Мне требовалась хоть какая-то страховка. Вчера вечером, после сложного разговора с отцом, я попросила его научить меня простому, но надежному заклинанию, которое могло бы нейтрализовать угрозу на несколько минут, дать фору.

Он долго смотрел на меня, а затем кивнул.

— Есть одно подходящее. Его используют санитары, чтобы усмирить буйных пациентов, не прибегая к силе. Заклинание сна. Не требует большой силы, только точности и концентрации. Но, Вика, это вмешательство в чужую волю. Использовать только в крайнем случае.

Он показал мне жест — специфическое положение пальцев, объяснил, как визуализировать поток энергии, направленный на мягкое, но неотразимое гашение сознания. Энергетический импульс при этом должен быть минимальным, почти символическим, иначе можно навредить. Я потренировалась на нем — он разрешил, сидя с закрытыми глазами. С третьего раза у меня получилось.

— Действует. Но помни о последствиях, — сказал он, когда я использовала другое, обратное заклинание пробуждения.

Я надеялась, что этот трюк не пригодится. Но в кармане моей сумочки, зашитом в подкладку, лежала маленькая, заряженная моей энергией кристаллическая гранула — фокус для этого заклятья, позволявший усилить эффект при необходимости.

Когда я сошла вниз, Александр уже ждал в холле. Он был в строгом, идеально сидящем смокинге, его лицо под черной полумаской было так же холодно и отстраненно, как всегда..

Дорога в отель «Империял» заняла около двадцати минут. Мы сидели на заднем сиденье черного, дорогого такси с тонированными стеклами. Я смотрела в окно на мелькающие огни ночного города, собираясь с силами. Нужно было сыграть первую сцену из книги, где Виктория пытается кокетничать с мужем, а он отталкивает ее с брезгливым раздражением.

Я повернулась к нему, положив руку на его колено, и наклонилась чуть ближе, чем следовало.

— Сашенька, — начала я сладким, нарочито томным голосом. — Ты сегодня такой величественный. Прямо как на портрете твоего деда-магистра в кабинете. Помнишь, ты говорил, что он основал первую частную лечебницу в городе? Мне кажется, ты его во всем превзошел.

Он не отстранился сразу, но его тело стало жестким под

моей ладонью.

— Виктория, не начинай, — произнес он ровно, глядя вперед на дорогу.

— Что не начинать? — я сделала голос обиженным, слегка капризным. — Я просто говорю, какой ты важный сегодня. Все будут на тебя смотреть. И я буду рядом. Мы же красивая пара, правда?

Это было прямым эхом одной из сцен романа. Виктория в машине, нервная перед мероприятием, пыталась кокетничать и добиться хотя бы капли внимания, а он отшивал ее с безразличностью, словно отгонял назойливую муху.

— Виктория, перестань. Сегодня важный вечер. Попробуй вести себя достойно, хотя бы раз.

Я притворно надула губы, снимая руку с его колена, и отвернулась к окну, изображая уязвленную гордость. Внутри же все было спокойно и холодно. Он сыграл свою роль безупречно. Все шло по первоначальному сценарию.

Отель «Империял» был одним из самых роскошных в городе, образцом техномагической архитектуры, где старинный фасад сочетался с внутренней начинкой из саморегулирующихся систем и артефактов комфорта. У нас с Александром, разумеется, были забронированы два смежных номера-люкс на втором этаже — для проформы и для возможного отдыха после бала.

Бальный зал отеля был превращен в подобие венецианского карнавала. Гирлянды из искусственных цветов, мас-

ки-личины, развешанные по стенам, приглушенный, таинственный свет. Музыка — живой оркестр, играющий что-то плавное, старомодное. Толпа гудела — здесь были все: топ-менеджеры холдинга; инвесторы; приглашенные главы других клиник, обменивающиеся с Александром кивками, полными скрытого соперничества; репортеры светской и деловой хроники, сновавшие между гостями, как акулы.

Александр почти сразу растворился в этой толпе, как и было предписано. Он пошел к группе инвесторов, его осаждали с поздравлениями, вопросами, предложениями. Меня он бросил у входа, даже не попрощавшись. И это было идеально. Я вздохнула с облегчением — теперь я была свободна.

Я взяла бокал с игристым вином с подноса у проходящего официанта и начала медленный обход. Мне нужно было найти Кристину и оценить обстановку. Группы людей перетекали друг в друга, я ловила обрывки разговоров о новых артефактах, биржевых котировках, скандалах в медицинском совете. Я улыбалась знакомым дамам из высшего общества, отвечала на их восторженные комментарии о моем платье односложными, светскими фразами, и все это время мои глаза искали.

И я нашла ее. Она стояла чуть в стороне от основной толпы, у высокой вазы с экзотическими цветами, и выглядела потерянно. Кристина Соколова. На ней было платье очень похожее на мое. Тот же кроваво-красный оттенок, похожий фасон, та же длинная юбка. Но, присмотревшись, разница

была очевидна. Ткань ее платья была проще, без того сложного переливчатого блеска, покроем — чуть грубее, словно сшитый на скорую руку или купленный в не самом дорогом магазине. И маска у нее была похожей, но явно дешевой, карнавальной. По сюжету это должно было служить оправданием, почему Александр спутал её со мной.

Ко мне уже подходили знакомые дамы — жены партнеров Александра, светские знакомые Виктории. Я включила автоматическую улыбку, завела пустые разговоры о погоде, последних коллекциях, сплетнях. Все это время я краем глаза следила за Кристиной. Она пыталась с кем-то заговорить — видимо, с коллегами по работе, — но держалась на расстоянии, ее ответы были короткими, она то и дело поправляла маску, словно пытаясь спрятаться.

И вот она, набравшись смелости, направилась ко мне. Я видел, как она пробивается сквозь толпу, ее взгляд прикован ко мне с выражением смешанного восхищения и неуверенности. Она остановилась передо мной, когда круг болтающих дам ненадолго разомкнулся.

— Госпожа Воронова, — тихо произнесла она, слегка склонив голову. — Добрый вечер. Вы... выглядите потрясающе.

Я остановилась, позволив своему взгляду медленно, с легкой снисходительностью скользнуть с ее головы до ног. Я должна была вести себя холодно, как предписывал сюжет.

— Добрый вечер, — ответила я, не изменяя выражения

лица. Мой голос прозвучал холодно. — Спасибо. Вы тоже... постарались.

Ее щеки под маской покраснели. Она поняла скрытый смысл фразы.

— Я... я не хотела... платье просто похоже, — залепетала она, смущенно касаясь ткани на плече.

— Не имеет значения, — я отпила из бокала, давая понять, что разговор окончен. — Приятного вечера, Кристина.

И, не дожидаясь ее ответа, я плавно развернулась и отошла к другой группе гостей, оставив ее стоять с раскрасневшимся от смущения лицом. По сюжету, после этого Виктория должна была уйти, и Кристина оставалась в одиночестве, чувствуя себя униженной. Я выполнила свою часть.

Я заняла позицию у высокого стола с закусками, откуда был хороший обзор на ту часть зала, где крутился Александр. В руке у меня был бокал с шампанским, который я лишь изредка подносила к губам. Мои глаза неотрывно следили за его бокалом.

Все шло своим чередом. Он разговаривал, кивал, улыбался своей холодной, деловой улыбкой. Официанты с подносами сновали вокруг. И вот я увидела это. Один из них — молодой парень в ливрее, с совершенно обычным, ничего не выражающим лицом — на мгновение заслонил Александра от моих глаз. Его рука с подносом мелькнула около бокала, который стоял на высоком столике рядом с моим мужем. Движение было быстрым, плавным, профессиональным. Но

я, зная, что искать, уловила короткий, едва заметный бросок — щепотка чего-то белого растворилась в коньяке, прежде чем официант отошел, смешавшись с толпой.

Я не видела цвета, но я знала, что это было. Стимулятор и афродизиак, смешанные в одном мощном препарате. В романе этот момент описывался туманно, но суть была ясна: конкуренты хотели скомпрометировать Александра, вынудить его на неадекватные действия.

Мое сердце учащенно забилося, но руки не дрогнули. Рука сама потянулась к маленькой сумочке, где лежал мой техномагический коммуникатор, способный делать снимки. Я приподняла его, сделала вид, что проверяю сообщения, и навела объектив издалека. Кадр получился смазанным, но на нем было видно лицо официанта.

И тут я заметила Глеба.

Он стоял в стороне, прислонившись к дверному косяку, ведущему на террасу. На нем был темно-серый фрак, маску он держал в руках. Его взгляд был прикован к тому же месту — к Александру и к тому официанту, который уже исчезал в толпе. И в его глазах я прочла ясное, четкое понимание. Он понял, что только что произошло. И теперь, с мрачным, непоколебимым выражением, он оттолкнулся от косяка и направился прямо к Александру.

Черт. Черт возьми. Этого в романе не было!

от автора:
визуал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.